

В.Е. Сыроечковский

**Пути и условия сношения Москвы
с Крымом на рубеже XVI века**

**Известия Академии наук СССР.
Отделение общественных наук**

1932 г.

Вып. 3

**ПУТИ И УСЛОВИЯ СНОШЕНИЙ МОСКВЫ С КРЫМОМ НА РУБЕЖЕ
XVI ВЕКА****В. Е. СЫРОЕЧКОВСКОГО***(Представлено Историко-археографическим институтом)***I**

Вопрос о путях, соединявших Крым и Московское государство, уже не раз рассматривался в русской исторической литературе.¹ Главный источник, на который опиралось изучение степных дорог, «Книга Большому чертежу», представляет собой текст к карте конца XVI в. Во второй половине того же века московское правительство энергично принялось за борьбу с татарскими набегами и в 1571 г. провело коренную реформу сторожевой и станичной службы. Идущие от этого времени сведения об организации обороны южной окраины являются вторым важным источником для изучения степных путей. Наконец, лишь с XVI столетия началась колонизация заокской степи. Все это определяло ту хронологическую грань (вторая половина XVI в.), от которой отправлялось изучение степных дорог. В то же время самый характер источников определял и то направление, в котором шла разработка вопроса. Степные пути изображались прежде всего как татарские шляхи и рассматривались под углом зрения татарских набегов, борьбы с ними и постепенного овладения степью московской колонизацией.

Но южная степь и степные дороги уже гораздо раньше приобрели большое значение для северной Руси, и притом значение не только татарской угрозы. С появлением Золотой орды в низовьях Волги и Дона между

¹ И. Бежлев. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. — Д. Багалей. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1886. — С. Платонов. К истории городов и путей на южной окраине Московского государства. ЖМНП, 1893, № 3 статья целиком вошла в «Очерки по истории Смуты в Московском государстве 16 — 17 вв.»).

нею и северной Русью установились как политические, так и торговые связи. Золотая орда сыграла немалую роль в ранней истории московского торгового капитала. Как известно, в XV в. Москва являлась уже крупным и притом сравнительно новым центром средневековой русской торговли, занявшим прочное положение наряду с более ранними ее центрами, Новгородом и Псковом. Явный рост мощи московского торгового капитала позволил М. Н. Покровскому самую борьбу Москвы с Новгородом рассматривать как проявление конкуренции московской и новгородской буржуазии. Но значение обоих торговых центров определялось общими международными торговыми отношениями позднего Средневековья. Если Новгород был обязан процветанием своей торговли тому, что он был втянут в сферу западной ганзейской торговли, то торговля Москвы выросла, главным образом, благодаря юго-восточным ее связям, связям с тем новым крупным центром международной торговли, который в XIV в. сложился на берегах Каспийского и Черного морей. Этим центром была Золотая орда, установившая широкие торговые связи со всем азиатским Востоком, Египтом и Западом в лице Византии и Италии, и итальянские колонии Черноморья. В этих юго-восточных связях Москвы и следует искать корни образования московского торгового капитала. Этим определяется наш интерес ко всем деталям, помогающим конкретно представить себе первый момент его зарождения, в частности интерес к тем путям, которые прокладывали первые московские купцы — «сурожане» — к юго-восточным рынкам.

Первое время центром, притягивавшим к себе московских гостей, была сама Золотая орда. Постоянные сношения с нею обыкновенно шли Волгою. Волга в XIV в. была оживленною торговою рекою. Но и степь и степные пути, едва ли впрочем бывшие торговыми путями, уже играли роль для сношений с Ордою. Летописи дают достаточно указаний на поездки в Орду и из Орды степью.¹ Обычная дорога в Орду уже настолько определилась к концу XIV в., что в 1383 г. летописец считает нужным отметить, что тверской князь пошел в Орду «не путями». Под 1408 г. без особого повода

¹ В 1299 г. кн. Михаил Тверской идет из Орды мимо Москвы, минуя руки татар, которые в это время воевали кругом, грабя Москву, Дмитров, Переяславль, Коломну, Можайск и Волок. ПСРЛ (Поли. собр. русс. летоп.), X, 169. — В 1320 г. тело убитого в Орде кн. Михаила везли на родину на телегах и санях (ПСРЛ, VII, 197, 198; X, 186). — Кн. Пренский в 1340 г. «выход» в Орду вез степью. (ПСРЛ, VI, 55). — Отправляясь в 1371 г. в Орду, кн. Дмитрий Донской идет за Оку, до которой его провожал митр. Алексей (ПСРЛ, VIII, 18; XI, 15). — В 1392 г. кн. Василий Дмитриевич приходит из Орды на Коломну, откуда отпускает царя посла на Н. Новгород (ПСРЛ, XI, 147).

летописец заносит в свое повествование: «тое же зима быша мрази и снези велици зело, и ветри, и вялицы нестройны, и путь из орды бяше нужен и тяжек зело».¹

Нет сомнения в том, что, направляясь от Москвы на Коломну, этот путь лежал через Рязанскую землю. Через Рязанскую землю было обычное направление татарских походов даже тогда, когда целью их были западные княжества северной Руси. Отправленный в 1340 г. против Смоленска татарский воевода Тувлубий шел через землю Рязанскую, Переяславль и только оттуда повернул на Смоленск. В 1382 г. благодаря усиленным стараниям рязанского князя в своем походе на Москву Тохтамыш обошел его земли и появился со стороны Серпухова, но назад он пошел обычным путем на Коломну и Рязанскую землю.²

В продолжение XIV и XV столетий, не прерываясь, шли сношения русской церкви с константинопольскими патриархами. Сношения шли главным образом через Орду, и в летописных известиях о них степной путь через Рязанскую землю выступает особенно отчетливо. В 1377 г. почти одновременно отправились в Константинополь кандидат на московскую митрополичью кафедру, известный Митяй, и главный противник его кандидатуры Дионисий, еп. нижегородский. В то время, когда Дионисий поехал Волгою на Сарай, «поиде Митяй к Царюграду... по суху». Летопись детально описала путь Митяя. «Поиде Митяй с Москвы на Коломну, а с Коломны за Оку реку перевезеса к Рязани... И придоша всю землю Рязанскую и придоша в места Половечскаа, в пределы татарския... и перешедше землю татарскую, придоша к морю кафинскому и ту в корабль вседоша». Спутник умершего дорогою Митяя, поставленный вместо него в Константинополе, митрополит Пимен возвращался тою же дорогою «поперег поля из Орды», выходя на Коломну. Через несколько лет митрополит Пимен снова пересек ту же степь, выбрав на этот раз речной путь Доном.³

На перепутьи дороги московского духовенства в Царьград лежал Крым. Достигнув Орды, путешественники уже были у моря Сурожского⁴ и должны были направиться в одну из его гаваней, чтобы «всесть» на

¹ ПСРЛ, XI, 81, 203.

² ПСРЛ, VII, 206; X, 211; VIII, 44, 47; XI, 72, 73, 77, 80.

³ ПСРЛ, VIII, 30—32; XI, 38, 39, 41, 44, 95, 96. Детали путешествия Пимена у Вениатинова, «По поводу 500-летия первого русского путешествия по Дону». Труды Моск. арх. общ., т. XIV.

⁴ В 1319 г. кн. Михаил находит царя «у моря Сурожского на усть Дон реки, иде же втекл Дон река в море» (ПСРЛ, X, 182).

корабль. Мы едва ли ошибемся, если допустим, что этой гаванью был Сурож, в течение нескольких веков до конца XIV столетия бывший главным портом Крыма, где, по словам Ибн-аль-Асира (нач. XIII в.), приставали корабли, и восточные ткани выменивались на девушек, невольников, а также меха и другие предметы. Для ханов Золотой орды в XIV в. Сурож был главной гаванью, откуда отплывали и куда возвращались назад их посольства, направлявшиеся в Константинополь и Александрию. От татарской столицы до Сурожа было 20 дней пути степью. Этим путем, возможно, и ехало из Орды на Сурож отправлявшееся в Царьград московское духовенство.¹

Этот путь, возможно, приводил в Сурож и московских купцов. Торговые связи между Москвою и черноморскими городами сначала, повидимому, проходили через Золотую орду, и ставка ханов была главным местом встречи московских и итальянских купцов. Но с середины XIV в. в Москве уже известны гости — сурожане; свое название они могли получить только от Сурожа. Ряд свидетельств еще XIII в. говорит о торговле Сурожа с русскими. Торговые связи его с юго-западной Русью несомненны. Если этот главный центр черноморской торговли привлекал и москвичей, то их дорога туда лежала через Орду. По крайней мере, мы встречаем прямое указание на Орду как этап их обратного пути. Под 1356 г. летопись отметила: «того же лета прииде на Москву из Орды Ирынчей и с ним гости-сурожане». Наконец, 10 гостей-сурожан, несомненно русских купцов, которых Дмитрий Донской берет в свой поход против Мамая, еще раз утверждают связь купцов-сурожан с Ордою; они «сходници суть з землю на землю и знаеми всеми и в Ордах и в Фрязах».²

С XV в. положение дел изменилось. Разоренный в 1399 г. Тамерланом, Сарай перестал быть центром южной торговли, и тем большее значение для Москвы приобрели итальянские колонии. Вместе с тем упало значение волжского пути; пути московских сношений с югом и азиатским востоком переместились дальше на запад. В это время на южном берегу Крыма господствующее положение в торговле завяла Кафа. Этот факт не замедлил отразиться в географической номенклатуре летописи. Море, еще в начале XIV в. носившее название Сурожского, во второй половине века получает название моря Кафинского.³

¹ Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, стр. 63, 103, 119, 126, 166 — 169, 196 — Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды, изд. 1-е, стр. 97, 98.

² ПСРЛ, X, 223; XI, 54.

³ ПСРЛ, XI, 39, 44.

Ряд свидетельств второй половины XV говорит о том, что Кафа приобрела для Москвы значение как главного южного рынка, так и отправного пункта для сношений со странами, лежащими за Черным морем. Через Кафу направлялся в Москву в 1464 г. иерусалимский патриарх, разболевшийся дорогой и умерший в этой колонии генуэзцев. В 1472 г. через Кафу и Крым возвращался из своего путешествия Аф. Никитин. Наконец в Кафе 70-х годов XV в. мы встречаем многочисленных московских купцов с их товарами.¹

Начиная с 1474 г. в актах дипломатических сношений Москвы с Крымом, и позже с Турцией, мы встречаем многочисленные указания на крымские торговые связи Москвы. Та яркая торговая жизнь, которую можно восстановить по документам посольского дела, могла быть только результатом многие десятки лет продолжавшихся торговых отношений. Но по этим документам мы можем проследить только последний момент московско-итальянской торговли. В 1475 г. Кафа и другие итальянские города Черноморья были завоеваны Турцией. Но и после турецкого завоевания Крым и Кафа продолжали сохранять свое торговое значение для Москвы. И возможно, что на рубеже XVI в., когда вследствие борьбы с Астраханской ордой Волга не могла играть серьезной роли в московской торговле с Востоком, когда во время войн на целые года закрывались для торговли Литва и Польша, «и с Ливонскою землею, и с любчаны, и с семьюдесят и двема городы — наши вотчины с ними в те лета торгу не держали»,² Крым и Кафа были исключительно важным рынком московской внешней торговли. Торговое значение Крыма не сводилось только к тому, что здесь московские купцы закупали восточные товары. За Кафою, особенно после 1475 г., для московского купца открывалось все турецкое «заморье». Подолгу задерживаясь в Крыму, Азове или Кафе, он нередко выезжал в Константинополь, Синоп, Брусу, Токат.³

Торговле Москвы с Крымом весьма помогал союз Ивана III с Менгли-Гиреем. Прочность этого союза, неизменно крепкого в продолжение трех десятков лет, объясняется обоюдными выгодами той и другой стороны. После разгрома в 1481 г. Золотой орды она была не так страшна для Москвы. Силы Москвы были направлены на запад, где захват верхнеок-

¹ ПСРД, VIII, 151, 181; XII, 116, 158. — Колли. Падение Кафы. Изв. Таврич. уч. арх. комиссии, № 54. — Н. Эрнет. Конфликт Ивана III с генуэзской Кафой. Извест. Таврич. общ. ист., археол. и этногр., I.

² Памят. дипл. снош., I, 157.

³ Сб. РИО (Русск. ист. общ.), XII, *passim*.

ских и северских княжеств привел к длительной борьбе с Литвою и Польшей; для борьбы же с Астраханью Москва довольствовалась почти исключительно силами служилых татар. Но для Крыма вражда с «Большою ордою», борьба с сыновьями Ахмата оставалась постоянным делом на все эти десятилетия. И как опустошительные набеги Менгли-Гирея и его сыновей на литовско-польские окраины помогали Москве в ее литовских войнах, так и ежегодные почти походы в степь касимовских и каширских царей и царевичей, набеги менчерских уланов и казаков на астраханские улусы были той помощью, которую давал Менгли-Гирею союз с Москвою.

Но непосредственную выгодою военного союза далеко не исчерпывалось значение для Москвы Крыма в эти годы. Известно настойчивое стремление Ивана III завязать сношения с европейскими государствами и, в первую очередь, — добиться союза с Венгрией и Римскою империею против «общего недруга» короля Казимира. Но длительные войны с польско-литовским государством и с Ливонией часто закрывали для Москвы прямые пути для сношений с Западом. И если с одной стороны для этих сношений приходилось избирать окольный северный путь через Нарву, Ревель и Любек, то с другой стороны Москва прибегала к не менее окольному пути через владения Менгли-Гирея. Через Крым направлялись московские послы к Стефану-доеводе волошскому, через Крым они ехали к Матиашу угорскому, через Крым же и возвращались обратно с венгерскими и волошскими послами. Наконец через Крым шли и завязавшиеся с 1492 г. сношения с Турцией.

Немалую услугу оказал Крым московскому правительству и в деле привлечения иностранных мастеров и художников на московскую службу. Начало дипломатических сношений Москвы с Крымом (1474 г.) падает на последний год независимого политического существования итальянских черноморских колоний, подвергшихся турецкому разгрому в следующем 1475 г. Но итальянцы еще надолго после 1475 г. остаются в Крыму. «Фрязове» еще долго встречаются на службе у крымских ханов. Стремясь отовсюду, где это было возможно, заполучить в Москву иноземцев, Иван III пытался привлечь на свою службу и итальянцев Крыма. Так, в 1500 г. московскому послу были поручены переговоры о переходе в Москву со служившим у Менгли-Гирея Захарием-фрязином. Известны аналогичные переговоры с Захарием Гвизольфи, последним князем Тамани.¹ Но помимо того в конце XV и начале XVI столетия через Крым проходила та глав-

¹ Сб. РИО, ХLI, 41, 71—73, 77, 114, 309, 540. — Ф. Брун. Черноморье, I, 292; II, 323.

ная дорога, которою проезжали в Москву мастера непосредственно из Италии.¹ Так, в 1504 г. через Крым прибыл в Москву целый поезд многих серебряных, пушечных и ственных мастеров «с женами, детьми и девками». Среди них был и знаменитый строитель Архангельского собора, Алевиз Новый.²

Через Крым попрежнему шли связи с греческим миром. Через Кафу приезжали различные выходцы из Греции, устраивавшиеся на московской службе; через Кафу вслед за ними приезжали остававшиеся пока на родине их семьи. Посылалась ли великим князем милостыня на Афон, приезжали ли из Турции чернецы или митрополиты, их путь часто лежал через ту же Кафу.³

В конце XV и начале XVI вв. почти каждый год приезжали из Крыма в Москву южные купцы, а навстречу им ехали московские. Почти каждый год отправлялись на юг московские посольства, и обратно шли ответные послы; в промежутках же между большими послами спешили с вестями гошцы.

Но живые связи между Москвою и Крымом вскоре быстро ослабли. Последние годы жизни Менгли-Гирея были годами разрыва его прежнего союза с Москвою. Крым возвращался к своей старой политике сближения с Литвою, хотя это и не мешало его набегам на польские и литовские окраины. С 1503 г. Крымская орда начинает опустошать московские земли. В год смерти Менгли-Гирея (1515 г.) московскому послу, отправляющемуся в Турцию для переговоров о союзе против общих недругов, дается наказ, чтобы кроме «угорского» и «литовского» в число недругов был включен и Менгли-Гирей с детьми.⁴ После смерти Менгли-Гирея с Крымом устанавливается худой мир в полном смысле слова. Переговоры о союзе и дружбе сменяются набегами царевичей и князей, и после учиненной в 1519 г. «шerti» и «правды» мы видим резкий разрыв с Крымом, сопровождающийся известным походом царя Мухаммед-Гирея на Москву в 1521 г.

¹ В 1484 г. через Валахию и Крым ехали в Москву с Ф. Курицыным два мастера — пушечник и каменщик. В 1489 г. в Москве ждут из Италии на Кафу и Крым посланных за мастерами Ларевых. В 1492 г. через Крым возвращается на родину Августин-Фрязин, и Иван III поручает его заботам Менгли-Гирея: «и ты бы велел его проводить нас дая, куда будет ему лзе в свою землю проехати, чтобы тот паробок не погибл». Сб. РИО ХLI, 42, 43, 47, 80, 158, 159, 164.

² Сб. РИО, ХLI, 296, 309, 319 и др.; XXXV, 429. — АЗР (Акты Зап. Росс.), I, 219, 236—239, 308. — ПСРЛ, VIII, 244. — Н. Эрнст. Бахчисарайский ханский дворец и архитектор в князя Ивана III Фрязина Алевиз Новый. Извест. Тавр. общ. истор., археол. и этногр., II.

³ Сб. РИО, ХCV, 92, 407, 441, 495, 623, 624.

⁴ Сб. РИО, ХCV, 113—115, 121, 122.

Годы разрыва неизбежно отразились и на московско-крымской торговле. С начала XVI в. мы наблюдаем упадок ее. «Крымский» период в истории ранней московской торговли кончался, чтобы уступить место тем новым связям, которые устанавливаются в середине XVI в. вместе с завоеванием Казани и Астрахани и появлением англичан на Белом море.

Начиная с 1474 г., в нашем распоряжении имеется большое количество актов переписки между Москвой и Крымом, представляющей собой богатый материал по целому ряду вопросов как русской, так и крымской истории. Еще в 1884 г. М. Бережков, дав общую оценку древнейшей книги крымских посольских дел, наметил ряд тем, для изучения которых она дает богатый материал. Одна из этих тем — «пути и средства сообщений Руси с Востоком». Нам думается, что посольские книги конца XV и начала XVI вв. действительно позволяют попытаться установить общее направление южных путей и выяснить общие условия пользования ими в период наиболее тесной связи между Крымом и Москвою. С этой целью к переписке с Крымом прибегали Соловьев, Багалеи, Гурлянд, но до настоящего времени не было сделано опыта систематической обработки источника в указанных целях. Настоящая работа является попыткой такого рода.

II

В конце XV в. к югу от Москвы, почти сейчас же за Окою, началось «дикое поле», на противоположной окраине которого лежал южный татарский мир. Это поле врезалось клином далеко на север между двумя населенными русскими окраинами. С одной стороны это была Рязанская земля, населенные пункты которой впрочем едва ли доходили до линии Красивой Мечи.¹ С другой стороны это были верхнеокские и северские княжества, где Белев, Одоев, Мценск, Новосильск, Рыльск и Путивль одинаково были окраинными городами. Пустынная степь, доходившая до московских пределов, и окаймлявшие ее с востока и запада княжества давали три главные направления для дорог из Москвы в Крым. Один путь шел Рязанскою землею и дальше Доном, другой — «промеж людей» через населенную Северскую землю, и наконец третий вел прямо на юг диким полем. Выбор каждого из этих направлений определялся ближайшими политическими условиями.

В первые годы сношений с Крымом, до 1500 г., приходилось больше пользоваться прямою степною дорогою, несмотря на то, что она пред-

¹ Цивайский. История Рязанского княжества, Сочинения, 164, 177. — Некрасов. Очерки по истории Рязанского края. ЖМНП, 1914, IV, 273.

ставляла больше всего затруднений и для посольств и для купеческих караванов. Более удобный речной путь от Смоленска Днепром или сушею через Северскую землю до начала XVI в. был большею частью закрыт для Москвы, так как проходил через владения великого князя литовского,¹ и только в годы перемирия с зятем Александром Иван III мог воспользоваться литовским направлением.² Дорога Доном, мирная дорога по выражению грамоты Менгли-Гирея,³ была сначала только торговым путем, повидимому, установившимся с конца XIV в. Воспользоваться же Доном для посольских поездок в Крым мешало полное отсутствие отношений между Москвою и Турцией, овладевшей в это время низовьями реки. Но «истомность» степной дороги весьма ощущалась Москвой, и уже в 1489 г. Иван III просил Менгли-Гирея уладить для Москвы путь на Азов: «и ты бы поуправил дорогу нашим послом на Азов, чтобы вперед нашим послом добровольно ходити на Азов без тамги и без всяких зацепок». Эта просьба неоднократно повторялась.⁴ В 1495 г. была отправлена Иваном III первая грамота в Турцию. В 1498 г. в Турции побывал первый московский посол. С этих пор сношения с Турцией не прерываются до конца изучаемого нами периода, причем первое время сношения идут не столько с Константинополем, сколько с Кафю, где в качестве наши правил сын султана. С этого времени и приобретает большое значение путь Доном, так как и в Кафу и в Константинополь стали ездить этою рекою, минуя Перекоп и Крым. В то же время присоединение северских княжеств к московскому государству, несмотря на то, что еще долго не прекращались дипломатические споры, что переход княжеств к Москве повлек за собой упорные войны с Польшей и Литвой, что пограничная война не утихала и в годы перемирий, — несмотря на все это, присоединение северских земель дало наиболее удобный путь в Крым, которым с этих пор почти неизменно поль-

¹ Пысылая в 1479 г. в Крым простого гонца вместо «добрého человека», Иван III объясняет это тем, что «яно на Литву проезда нет, а подем пути истомны». В 1486 г. московский князь сообщает в Крым: «а которых еси своих людей ко мне был послал киевскою дорогою, и король тех, твоих людей поимати велел». Сб. РИО, XII, 15, 46.

² Так было в 1495 г., когда Иван III просил Александра проводить через литовские земли царевых людей, а своему послу, находившемуся в Крыму, посылая инструкцию возвращаться не подем, а «через зятя нашего землею на Киев». В 1498 г. послу Ромодановскому, возвращавшемуся в Москву вместе с турецким послом, дается наказ итти из Крыма на Киев. Но через год, когда обостряются отношения с Литвою, посол Ив. Кубенский получает иные указания: «а как учнет царь князя Ивана отпустить, и князю Ивану на Киев не ити без великого князя веления, а ити ему подем». Сб. РИО, XXXV, 174, 175, 178—182; XLI, 213, 214, 260, 261, 309. Ср. XLI, 304, 318. *Stosunki polski z tatarszcz*, I, 235—237.

³ Сб. РИО, XII, 111.

⁴ Сб. РИО, XII, 79, 99, 124; 138, 201, 210, 328.

зуется Москва. Путь «полем» после 1500 г. быстро отходит на последнее место. Но, потеряв значение для послов, он продолжает служить гонцам, с различными вестями едущими то в Крым, то из Крыма.

Если отношения к Литве и Турции так влияли на выбор путей, то для условий посольских путешествий имели важное значение отношения Москвы к Астраханской орде и всему татарскому миру. Какою бы дорогою ни ехать из Москвы в Крым, все они в своем южном отрезке проходили через места возможных кочевий Астраханской орды. Имел свой центр на Волге в Астрахани, Орда в конце XV в. то кочует за Волгою, то уходит к Пяти горам под черкесы и пашет пашни на Куме, уходит под «Шамахайскую сторону», но, с другой стороны, она часто на Дону, кочует на Черленом песку, поднимается до усть-Медведицы, перевезшись Дон и Медведицу, летует под Русью. В начале сношений Москвы с Крымом Орда еще прочно чувствует себя и к западу от Дона. Она кочует меж Дона и Крыма, летует меж Дона и Днепра.¹ Каждый раз, как Орда появлялась «на сей стороне Дона», она была на московских путях. Пути становились «истомны». Становились невозможны сношения. Так было в 1489, 1490 и 1491 гг., когда ордынские царевичи пахали пашни на Орэли, Самаре и Овечьей воде: «недрузи межи нас стоят, и с поминкем и с поклоном послом нашим к тебе ходити нельзя».²

Степные пути стали снова опасны в 1501 г., когда великий князь Александр вовлек астраханского царя Ших-Ахмата в борьбу против Москвы. Перейдя Дон у устья реки Чира, хан сначала направился к устью Т. Сосны, где стал в «крепости» у Дона под Девичими горами. Из Москвы были посланы навстречу в степь служилые татары и русская рать. Подошедший в то же время Менгли-Гирей отрезал Ших-Ахмату дорогу на Астрахань. Поставленный в трудное положение, снявшись с устья Т. Сосны, Ших-Ахмат пересек степь к западу. Отбитый у Рьльска северскими князьями, хан зазимовал у устья Сейма, а следующую весну держался на Орели, Самаре и Турначе-воде. В Орде начинался голод; много «добрых людей» перебежало в Крым. В июне, по сообщению из Крыма, Орда «оухдела добре, а кочуют порознь». Это дало возможность Менгли-Гирею нанести ей последний удар и захватить все улусы Ших-Ахмата.³

¹ Сб. РИО, XLI, *passim*. Ср. указания Барбаро, Контарини, Кампензе. Библиот. иностр. писат. о России, I.

² Сб. РИО, XLI, 124. Ср. XLI, 44, 79, 101, 102, 110, 113, 141, 214, 234, 308.

³ Сб. РИО, XLI, 315, 364, 366—373, 377, 414—420.—АЗР, I, 212, 214, 260—262, 272, 344.—Древн. разр. книги. Чтен. в Общ. ист. и др. росс., 1902, I, 29.—*Stosunki polski'z tatarszcz.* I. 248, 251, 258, 260—263, 265.

В это время мы наблюдаем картину общего разложения всей прежней «большой» Орды. В Орде не прекращались усобицы. Еще в 1493 г. князя «сбили с Орды» царя Ших-Ахмата и послали по Муртазу. В 1494 г. князя выгнали Муртазу и Азпку и снова посадили Ших-Ахмата и Сент-Махмата. Та же борьба продолжалась в 1498, 1500, 1501 гг., и в свете этой борьбы степной поход Ших-Ахмата 1501—1502 г. приобретает своеобразную окраску. Как побежденные в усобицах татарские цари и царевичи обычно бывали вынуждены «казаковать» в степи, так и Ших-Ахмат в 1501 г. едва ли не был выкинут внутренней борьбой на окраину южного татарского мира. Поход Ших-Ахмата был началом его конца. После поражения его от руки Менгли-Гирея мы наблюдаем в течение двух лет беспокойные метания Ших-Ахмата, снова потерявшего Астраханское царство. Он то у устья Камы, то в Астрахани, то за Волгою; в его скитаниях им руководят мурзы. Летом 1503 г. Ших-Ахмат приходит под Русь и обращается к Ивану III с безуспешной просьбой помочь достать ему Астрахань.¹ Затем он снова у Астрахани, среди ногаев, под Киевом, откуда летом 1504 г. со своими братьями царевичами направляется к Белгороду, ища приюта у Байзета, но получает от султана суровый ответ: «коим путем к нам есте пришли, тем путем и назад пойдите». Эта была последняя неудача Ших-Ахмата, прежде чем он нашел для себя печальный конец в литовском плену.²

1501—1503 гг. были последними годами, когда целые улусы Орды были на крымских путях. Орда ослабела, и не только от усобиц: она страдала от натисков ногаев и черкас. В 1500 г. она поднимала перед султаном вопрос о перенесении ее кочевий к Днепру с Волги: «а там нам недобро кочевать, многие с нами брани чинят от ногай и от черкас, и ты был нам велел к Непру кочевать». Сильные численно ногаи не только теснили Орду. Их князья втягивались в ее усобицы, вступали в союзы и родство с царевичами и князьями «большой» Орды, — все сплеталось в один общий клубок царей, мурз и князей, становившихся в разнообразные отношения друг к другу, и улусы больших и малых ногаев и Орды путали свои кочевья.³

В эти годы ослабления Астраханской орды совсем не слышно о ее кочевьях «по сю сторону Дона». Она не представляет больше серьезной

¹ Первая попытка сближения с Москвою была сделана Ших-Ахматом еще в начале 1502 г. до поражения его Менгли-Гиреем (Сб. РИО, XLI, 384. — ПСРЛ, VIII, 241; XII, 255).

² Сб. РИО, XLI, 180, 211, 279, 323, 367, 409, 433, 445, 451, 452, 474, 482, 509, 510, 516. — ПСРЛ, VIII, 243; XII, 257.

³ Сб. РИО, XLI, 321; XCV, 7, 10, 12, 64, 109, 145, 361, 672.

опасности для Москвы и ее сношений с югом. Больше того, в годы разрыва с Крымом наблюдается некоторое сближение Москвы как с ногаями, так и с Астраханью. После 1508 г. становится постоянным обмен посольствами между Москвой и Астраханью. В 1517 г. в Крыму распространяются слухи о союзе между Москвою, Астраханью и ногаями. В 1521 г., в год большой коалиции против Москвы—Литвы, Крыма и Казани, Мухаммед-Гирей, повидному, тщетно старался вовлечь в общий союз и Астрахань. «И азстороканский царь, и князи, и земские люди с тобою не хотят, государь, недружбы, — все, государь, хотят с тобой дружбы», сообщали Василию III из Азова.¹

Так, с начала XVI столетия, Орда, как целое, устранялась с московско-крымских путей, но оставались в силе иные опасности.

III

После похода Ахмата на Угру в 1480 г. Москва долгое время не знала больших татарских нашествий. Но с первых же лет XVI в. стали довольно часто повторяться набеги царевичей, обычно крымских, на московские уkraine. В 1503 г. приходил на Чернигов крымский царевич Мамышек, несмотря на то, что союз Крыма с Москвою еще не был порван, а Чернигов уже был под властью Москвы. Вслед за тем явились татары с Бурнашем-царевичем, воевали и выжгли московские земли, «людей в полон вывели, животных людских бесчисленно поймали». Набеги царевичей повторялись в 1507, 1512, 1513 и 1515 гг.² В Москве каждый раз поднималась тревога при вести о том, что крымцы вышли в поле. В неурожайный для Крыма 1517 г. московский посол в грамоте из Крыма советует накрепко беречь уkraine: «занеже, государь, у них без того не будет, что им на уkraine не быти, а царю их, государь, и царевичам не мочно унять, потому что, государь, наги и боси и голодны. А нешто, государь, урвутся ранее на твои, государь, уkraine, и им, государь, быти немногими людьми». Посол ошибся в расчете. Известный набег на тульские земли был одним из крупных крымских набегов.³

Большие набеги, уже напоминавшие состояние войны, заставляли московское правительство быть настороже и приостанавливать отправку

¹ Сб. РИО, XCV, 9, 13, 209, 222, 223, 386, 679.

² Сб. РИО, XLII, 487, 488, 529, 537; XCV, 103—105, 108, 117, 198, 272—275. — ПСРД, VIII, 247, 252, 253, 261; VI, 246, 252, 253; XIII, 15. — Чтен. в Общ. ист. и др. рос., 1902, I, 44—46. — Соловьев. История России, V, 1594. — Симсон. История гор. Серпухова, 87.

³ Сб. РИО, XCV, 147, 186, 224, 348, 349, 358, 361, 441, 480, 484, 490, 492. — ПСРД, VI, 259; VIII, 261; XIII, 26. — Соловьев, ук. соч., V, 1615. — Симсон, ук. соч., 87.

послов. Но и в обычное время, когда не было серьезных поводов воздерживаться от путешествий, степь представляла не мало опасностей при переходе чрез нее. Ежегодно с весною с разных сторон в степь выходило множество людей. С севера шли московские служилые татары «потомить» астраханские улусы. Иногда они все лето оставались в поле, улусы «имали», людей и коней «отганивали». Свою борьбу они переносили на самую южную и юго-восточную окраину степи.¹

С другой стороны в степь направлялись южные татары. Это были казаковавшие в поле люди, сбивавшиеся иногда в довольно крупные отряды в несколько сот человек.² Если казаки не шли в набег на украинны, они стерегли в степи посольские караваны,³ и если московские послы подолгу «лежали» в Крыму, когда на их путях кочевала вся Орда, то они не ехали и тогда, когда вообще много ординцев бывало на поле.⁴

Роль главного притона казачьих сил играл турецкий Азов, производящий впечатление чисто татарского казачьего городка.⁵ В степных грабежах принимал участие весь город: «а подмогают деи казаков азовцев и ординских тутошние жилци азовци все, а отпускают на поле, да что привезут и они с ними делятся». В Азове скоплялся полон, взятый в степи и на русских украиннах. Азовские купцы скупали награбленное. То же делали и турецкие чиновники, субашаи, «тем татаром» (участвовавшим в грабеже) «норовили и рухлядь у них покупали». Больше того, и субашаи и «видзар», так же, как и купцы, «лихих людей подкручают да под Русь отпускают, да с ними делятся».⁶ Когда в степи на Орели грабили посла Ромодановского, там же вместе с азовцами оказался и толмач субашаи азовского. В 1510 г. отправлял в Москву на продажу «гибельную рухлядь» мустасин азовский.⁷

Азов был притоном не для одного только местного казачества. В Азове застревает крымский татарин, ходивший с царевичами на черке-

¹ Сб. РИО, ХLI, 44, 49, 58, 62, 63, 65, 66, 73, 76, 78, 79, 88, 98, 101, 110, 115, 116, 119, 135, 147, 482.

² Сб. РИО, ХLI, 324.

³ Ibid., ХLI, 52, 53, 57, 78, 79, 172, 473, 479.

⁴ Ibid., ХLI, 44, 57, 185, 190, 213, 326, 389, 436, 452, 451.

⁵ Эта роль Азова отмечена Багалеем (Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства, 71) и Тхоржевским («Донское войско в первый полов. 17 века». Русск. Прол., III, 10). — Примеры азовских грабежей — Сб. РИО, ХLI, 298, 332, 388, 410.

⁶ То же самое отмечено Грушевским для середины XVI в. на основании рассказа Претвича для других турецких владений: «капиталисты турки в Белгороде, Очакове, очевидно, в Кафе и Козлове давали татарской гольтыбе лошадей в долг для набегов; половину добычи татарин должен отдать им. Остальную покупали за бесценок». (Истор. украинск. казачества, 81).

⁷ Сб. РИО, ХLI, 322, 329, 349, 397, 404, 405; ХCV, 230, 231, 234, 293.

сов: «да в Азове годовал, да ходил в ногаи кезаковать». В Азове можно было встретить и казака-русина. Среди азовских казачьих голов встречается астраханец. В 1515—1516 гг., вернувшись с полоном из набега на мордовские места, возле Азова стоял крымский Айдышка-мурза с товарищи. К нему прибывали из Крыма новые люди, собираясь в новый набег. В 1503 г. в Азове зимовал сын царев Чювак, а весной поехал в степь сторожить московских послов.¹

Разбойничьи повадки Азова вызвали решительные меры со стороны султана. В том же 1503 г. в Азов был прислан турецкий [отряд «имать» азовских казаков и «иных казаков, которые казаки в Азове ни будут». Были арестованы и простые казаки и «большие люди», принимавшие участие в грабежах. Отряд султана долго ждал, когда вернутся с поля Чювак и другие казаки, но, не дождавшись, вышел в степь сам. Азовцев нашли у Десны, многих перебили, но много казаков оставалось еще в поле. Перехватили также пашей и субашей и побросали их в тюрьмы.²

Меры султана ничего не изменили в жизни Азова. Мелкие набеги азовских казаков, то самостоятельные, то в соединении с крымцами или ордынцами, на Путивль, Белев, под мордву, на Цну, на рязанскую и меншерскую Украину не поддаются исчислению.³ Азов чуть не пустеет во время набегов. В 1515 г. возвращавшиеся домой московские дети боярские не могли получить в Азове конвой: «которые наши казаки азовские были у нас; и те ныне казаки пошли добыватися, а в Азове ныне нет никакова человека и проводить их ныне некому». Наряду с набегами на Украины продолжались и грабежи в степи. В том же 1515 г., в момент заключения союза с Москвою, кафинский санчак, которому были подчинены и азовские власти, писал в своем приказе: «да еще азовским казакам крепко бы вам заповедати, чтобы тем боаром, также и их людем, также и опричь их, которые к Москве пойдут люди или с Москвы к Азову торгом пойдут русь, ино бы их на дорозе не топтали, ни нудили, которые от нас к ним пойдут, и из тое стороны к нам приход и отход бы был».⁴

Итак тревожная опасность не минула степи в продолжение всего изучаемого времени. Удивительно то упорство, с которым, невзирая на это,

¹ Сб. РИО, ХLI, 475, 479; ХCV, 127, 144, 223, 224, 233.

² Сб. РИО, ХLI, 468, 471, 473, 478—480.

³ Сб. РИО, ХCV, 68, 91, 100, 101, 103—105, 108, 109, 142, 147, 160, 164, 169, 170, 176, 177, 186, 187, 197, 223—225, 231, 267, 272, 275, 292, 320, 327, 343, 346, 349, 364, 371, 372, 375—377, 386, 441, 442, 460, 477, 480, 484, 490, 492, 500—501, 503, 504, 506, 585, 597, 706.

⁴ Сб. РИО, ХLI, 142; ХCV, 232. Жалобы на азовских казаков повторялись и в более позднее время (см. Тхоржевский, ук. соч., 10; «Историч. описан. земли Войска довск.», 3).

московские купцы все-таки ехали на юг к южным рынкам, и понятны все меры предосторожности, к которым приходилось прибегать направлявшимся в степь посольским караванам.

IV

Посольства из Москвы в Крым отправлялись в разное время года. Но чаще всего послы выезжали весной — в марте, апреле, мае, иногда еще в конце февраля, и в этом был определенный расчет: весной в степи было еще не так много народа: «доколева недругов наших люди на поле не вышли, с снежною водою пришли», писал Менгли-Гирей о московском после.¹ В первое время сношений послы проводили обычно в Крыму лето и осенью поворачивались в Москву. Осенью путешествие снова становилось безопаснее: «в осени наперед зимы, дороги в тихое время пойдём.» Но путешествия позднюю осень не всегда удавались. Так, в ноябре 1497 г. гонцы — татары воротились с поля: «нелзе было им ехать за снегом, полило траву льдом, и грамоты привезли назад».²

Путешествие бывало крайне долгим. Выехав из Москвы во вторник на третьей неделе поста, посол Кольчев приехал в Крым в канун мироносиц, т. е. ехал 46 дней. Выехав из Москвы 30 августа, Заболоцкий приехал в Крым на Кузьму и Дампана, т. е. 1 ноября. Отправившийся северною дорогою кн. Ромодановский выехал 11 марта и был в Крыму 19 июня. Отпущенный из Крыма в понедельник перед Филипповым заговеньем Кольчев приехал в Москву 6 января. Так путешествия растягивались приблизительно на два месяца.³

С послом едет штат людей: подъячие, толмачи, его и их слуги. Иногда едет «поп». Посла сопровождают казаки, обыкновенно татары, которые будут «лежать» у него «на вестях», т. е. ждать случая, когда ему понадобится отправить кого либо с вестью в Москву. Почти всегда с московским послом едут возвращающиеся в Крым татарские послы. К послам присоединяются десятки русских и татарских купцов с их паробками. Получается внушительный караван. С послом едет «казна», многочисленные «поминки». Нередко идут через степь обозом с телегами. Или же, как это делали купцы, везут всю поклажу на лошадях в переметных вьюках. Лошадей много: в посольство И. Беклемишева в 1502 г. для посла полагалось 60 лошадей, для подъячего — 10 и 36 лошадей было у провожающих татар.⁴

¹ Сб. РИО, ХLI, 123.

² Ibid., ХLI, 247; ХCV, 71.

³ Сб. РИО, ХLI, 135, 149, 156, 170, 171, 349, 358.

⁴ Сб. РИО, ХLI, 202, 442; ХCV, 276.

Далеко в поле посольский караван провожал конвой или до определенного урочища в степи или «доколе будет пригоже». Конвой бывал довольно значительным. В 1500 г. посла Кубенского провожало 150 татар и 11 человек руси. Среди охраны были проводники, хорошо знавшие степь и условия путешествия, «которые гораздо знают в поле». Это были обычно татары. С другой стороны, из Крыма выезжали встретить послов, назначая заранее определенное место встречи. Из Крыма также провожали возвращавшихся обратно послов.¹

Вступая в безлюдную степь, посольство настораживалось. Опасность могла грозить не только со стороны степных казаков. В 1500 г. послу дается наставление идти бережно подле литовской окраины. Это был год войны с Литвою. Возможно, что литовцы подстерегали московских послов. По крайней мере, московские татары и русь высылались в поле для того, чтобы до самой зимы стеречь литовских послов, направлявшихся в Астраханскую орду. Пути московских и литовских послов пересекались, и провожающим послов татарам иногда давался наказ гнаться за литовскими послами, если переедут их след в степи.²

Несколько раз гонцам давалось указание не везти с собой степную грамоту, в которых сообщались военные планы, чтобы они не достались нечаянно врагу: запись «чести, едучи до украины, а на поле им с собою ее не имати, а ее изодрати».³ Верный духу обычных наставлений, посол Кубенский при нападении татар спешит потопить «списки», но чем «посольство правити и поминки отдавати».⁴

Северная часть степи была достаточно спокойна. Главная опасность наступала тогда, когда послы или купцы миновали линию Сейма. Перелитывая грамоты крымских дел, мы встречаем непрерывную вереницу нападений. В 1486 г. при возвращении домой ограблены провожавшие послов в Крым люди великого князя. В 1489 г. на Донце ограблены московские гости. В 1493 г. схвачены на поле татарские и русские гонцы, ехавшие из Крыма. В 1495 г. ордынцы напали на посла К. Малечкина. В 1500 г. на Донце ограблено 45 купцов, шедших к Азову. В том же году ограблен

¹ Сб. РИО, ХLI, 39, 42, 47, 50, 58, 107, 303, 310, 311, 335, 336, 443, 473, 479, 503, 505, 516, 521, 523, 524, 553, 554.

² Сб. РИО, ХLI, 202, 211, 311, 314. Литовский путь через степи проходил далеко на юге. Грамоты указывают, что литовские люди ходят из Орды близ Перекопа. Ibid., ХLI, 43.

³ Когда в 1515 г. послу Мамонову поручается тайная речь, наказ добавляет: «а учита Ивану ся речь до Путивля да в Путивле изодрати, а у него бы та речь не была». Такое же наставление получает в 1518 г. и Остаия Андреев. Сб. РИО, ХCV, 212, 557.

⁴ Сб. РИО, ХLI, 321; ХCV, 677.

посол князь Кубенский. В 1501 г. был захвачен азовцами кн. Ромодановский, попавший в Крым только после того как его выкупили в Азове. В том же году был убит в степи дьяк Нардуков, посланный «в волохи». В 1502 г. захвачен ордынцами и уведен в плен вместе со своими людьми посол Лихарев. В Москву сообщили, что «у них кони и платье поимали, а о головах о своих не ведают, что над ними будет, а еще ходят напрости, не за сторожею». В том же году убит азовцами посол Кутузов, его дьяк и много шедших с ним гостей. В том же году на Овечьей воде «разогнали» посла И. Мамонова. В 1503 г. разогнали на поле московского гонца Резяка с товарищами, напали на гонца Кадыша и на Осколе разогнали посла Берсена-Беклемишева. Все это было на протяжении всего нескольких лет.¹ Примером того, что давал удачный грабеж, может служить нападение на посла кн. Кубенского. Ограбив посольский караван, азовцы продали туркам 64 головы полона, распродала в Азове посольскую казну и купеческие товары — соболей, горностаев, лисьи горла, шубы, сукна, платье, однорядки, рыбий зуб, серебряные сосуды, доспехи и коней. Одно посольского имущества по московскому подсчету было взято на 3985 р.²

V

Направление степных путей, по которым шли посольские и купеческие караваны, не поддается точному определению. Посольские указы конца XV и начала XVI вв. еще не давали послам точного маршрута. Но по тому или иному поводу в различных грамотах посольских дел изредка встречаются названия рек, урочищ, мимо которых проезжали послы или купцы. Обычным поводом для этого бывает то или другое злоключение, постигшее посла, гонца или купца. Эти случайные указания только в том случае могут помочь определить общее направление посольских путей, если мы сопоставим их с более поздними описаниями степных дорог, которые дают «Книга Большому чертежу», дозор и роспись станицам и сторожам кн. Воротынского и другие, относящиеся к сторожевой и станичной службе, поздние документы.

Главными степными дорогами конца XVI в., как известно, были: посольская или московская дорога, шедшая на Тулу, Мценск, Кромь

¹ Сб. РИО, ХII, 52, 79, 206, 230, 298, 320—322, 347—349, 352, 361, 388, 394, 399, 400, 403, 405, 413, 414, 418, 452, 471, 472, 497, 498, 501, 505. — Для более позднего времени известно гораздо меньше случаев нападений. В 1517 г. был убит Митя Степанов, шедший в Турцию. В 1518 г. на Самаре астраханцы напали на посла И. Чепищева (Сб. РИО, ХCV, 432, 512).

² Сб. РИО, ХII, 405—407. Детали см. у Багаляя, ук. соч., 70—73.

и Курск,¹ и точно очерченные в «Книге Большому чертежу» Муравский шлях, его восточная ветвь — Изюмский шлях — и еще дальше к востоку — Калмиусский шлях.² Но кроме главных шляхов через степь проходила целая сеть мелких дорог, там или здесь выходявших на один из больших торных шляхов и игравших по отношению к ним, по выражению Багаля, ту же роль, что проселочные дороги по отношению к почтовым трактам. В северной части степи эта сеть дорог развивалась в XVI и начале XVII вв. в связи с русской колонизацией. Эти русские дороги «Книга Большому чертежу» тщательно различает от татарских шляхов, как то: Свиной, Бакаев, Пахнутцов, Кончаков, с которыми переплетались эти дороги. На степных реках мы встречаем ряд близких друг к другу переправ. Перерезавшая степь в направлении с запада на восток Б. Сосна имела, по меньшей мере, 14 бродов. Через Северный Донец было не менее 20 переправ. Все эти дороги и переправы давали различные возможности и варианты в путешествии на юг. Недаром мы видим, что каждая из донецких переправ создавала тот или другой татарский шлях. К северу от Донца некоторые из этих шляхов сходились с русскими дорогами, другие самостоятельно уходили на север, создавая немалые затруднения сначала путивльским, позже валуйским и воронежским станицам. К югу от Донца эти шляхи встречались с другими, шедшими степью в восточном направлении. Таковы были «царев шлях, коли шел царь к Астрахани», или царева сакма неподалеку от верховьев Миуса и «нижние шляхи по Дону, которыми шляхи царь лазит Донец, коли пойдет к Астрахани».³

Эта многочисленность позднейших степных дорог заставляет нас быть сугубо осторожными в попытках точного определения более ранних путей и предостерегает от соблазна неосторожно сблизить их с тою или иною из известных нам крупных дорог, тем более, что дикая степь конца XV и начала XVI вв. по всем своим условиям бесконечно разнилась от занятой уже потоком русской колонизации степи конца XVI столетия. Тем не менее точно очерченные «Книгою Большому чертежу» главные шляхи остаются для нас основными ориентировочными линиями.

Первым рубежом, через который переходили направлявшиеся на юг посольства, была Ока. В двух случаях мы встречаем указания на место

¹ Ниже мы укажем, что в конце XVI в. этою дорогою уже не пользовались для посольских путешествий.

² Направление этих дорог см. у Багаля («Очерки из истории колонизации степной окраины», 23—27) и у Платонова («Очерки по истории Смуты», 62—65).

³ См. ук. соч. Багаля, Платонова, Книгу Большому чертежу, АМГ (Акты Моск. гос.), I.

переправы через нее.¹ В 1501 г. гонцам-татарам было предписано «ехати на Серпохов, а от Серпохова в ворота в поле». В 1503 г. грамота отметила путь посла Беклемишева: «а поехал на Серпохов, да в ворота».²

К югу от Оки лежала лишь недавно освоенная Москвою, еще мало населенная украинна. Сюда близко подошло «дикое поле», и к берегам Упы и Шати выходил главный татарский Муравский шлях. Это заставило Московское княжество рано взяться за организацию обороны своей южной украинны. Уже в 90-х гг. XV в. московские станицы в своих разъездах добирались до Дона, на берега Шати были выдвинуты московские сторожи, и ближе к Оке проходила наиболее ранняя из известных нам линий засек. К воротам засеки и лежал от Серпухова путь послов. Можно думать, что засека была достаточно далеко выдвинута за Оку. Пристав Макшеев был послан проводить татарского гонца и давать ему курей и заспы, хлеба и соли именно «до ворот». В этом не было бы нужды, если бы ворота были тотчас под Серпуховом.

Миновав линию московских укреплений, посольство выходило в действительное «поле». Здесь был возможен выбор нескольких направлений. Так, в 1500 г. повернувший с Калужской дороги назад на Алексин и вышедший здесь в поле посол Ив. Мамонов советуется с татарами, — «куда будет. . . ехати лучше от Олексина к Перекопи».³ Попытаемся наметить эти возможные направления.

В 1487 г. встречный конвой из Крыма должен был ожидать московского посла «на Семи, ниже Гусина броду, на усть Ревута реки, против Курскаго городища».⁴ Это указание слишком неопределенно: прием ли мы, что старое Курское городище было на Тускори, или же оно было на Рати,⁵ во всяком случае оно на несколько десятков верст лежало выше устья Реута. На этой длинной линии мы должны искать место переправы посольства через Сейм. По «Книге Большому чертежу» на Сейме, несколько ниже Реута, была татарская переправа, которую татары переходили с Бакаева шляха на Свиную дорогу: «а на Семи те татаровя перелазили Сьмь реку ниже Курска 40 верст под Городецким городищем». Место этого

¹ Переправа через Оку была возможна в разных местах. Возвращаясь в 1491 г. степью из Крыма, посол кн. Ромодановский высылает вперед гонца, чтобы узнать, где прикажет государь «реку взяться» идущим вместе с ним татарским послам. (Сб. РИО, ХLI, 120).

² Сб. РИО, ХLI, 372, 453.

³ Сб. РИО, ХLI, 336.

⁴ Ibid., ХLI, 58.

⁵ Семенов. Географ.-статист. словарь Рос. имп., II.

городища «Книга» указывает ниже впадения Реута.¹ Возможно, что к этой переправе и направлялось посольство. Это первое направление отклоняется к западу от Муравского шляха, проходившего значительно восточнее Курского городища. Но, с другой стороны, в 1487 г., до присоединения к Москве Мценска, оно не могло совпадать и со старой посольской дорогой, шедшей позже от Тулы на Мценск, Кромы и Курск. (Напомню, что в эти годы — 1486 г. — король арестует послов, пытающихся проехать через его владения. См. стр. 9, пр. 2). Таким образом, дорога посольства 1487 г. должна была пройти между Муравским шляхом и старой посольской дорогой, обходя, может быть, верховья Трудов, Оки, Б. Сосны, Свапы, и держась недалеко от литовской окраины.

Второй пункт этого направления, который указывают грамоты, относящиеся к той же середине 80-х годов XV в. (1484 и 1486 гг.), — рр. Мерл и Коломак. В 1484 г. до Мерла провожали царевичи из Крыма посла И. Звенца. По выражению грамот, близ Мерла «слихне места», где татары стерегут послов. Это указывает на то, что Мерл был пунктом, через который постоянно проходили посольства. В 1486 г. здесь на Мерле, «близко Коломак», разогнали и пограбили выезжавших проводить посла московских татар.² У верховьев Мерла и Коломака проходил Муравский шлях. Очевидно, что послы здесь ехали уже этою обычною татарскою дорогою. Весь вопрос в том, как же именно их путь выходил на этот шлях — от устья ли Реута или от Курского городища.

Как известно, в конце XV столетия к югу от Сейма лежала принадлежавшая Литве Северская Украина, переходившая за линию Сулы и достигавшая берегов Псла. Леса и болота по верхнему течению Ворсклы укрывали эту Украину от татарских ударов, несмотря на то, что совсем близко от нее проходил главный татарский шлях.³ Сохранявшиеся к югу от Сейма северские поселки протянулись здесь несколько к востоку, к верховьям Псла.⁴ Если московская посольская дорога обходила эти поселки, она должна была от устья Реута повернуть на юго-восток. Московские послы и гонцы, повидимому, имели основание избегать пути по этой даже слабо населенной

¹ Книга Больш. чертежу, изд. Спасским, 84, 89, 106.

² Сб. РИО, ХLI, 39, 52.

³ «Роспись польским дорогам» времен Федора Ивановича отмечает это значение лесов по Ворскле: «а за речку за Ворсклу царь и большие люди не хаживали для того, что по Ворскле, по обе стороны Карпова сторожевья, пришли леса большие и ржавцы и болота есть»... «а за Карпово сторожевье до Псла и Днепра все пришли леса большие» (Багалеи Матер. для истор. колониз. и быта степн. окраины Московск. госуд., I, 2).

⁴ Любавский. Областное деление в. княж. Литовского. Карта.

литовской окраине, боясь неожиданных встреч. В 1493 г., посылая своего сына Ахмат-Гирея воевать литовские укранны, Менгли-Гирей хотел послать вместе с ним и московских гонцов, чтобы они могли быть свидетелями разоренья, а потом, отделившись от отряда царевича, ехать в Москву. Но гонцы отклонили предложение хана, уверяя, как передавал Менгли-Гирей Ивану III, что «коли в русскую землю войдут, к тебе брату моему не дойдут от северюков, которые ежжалые люди».¹ Более точно установить направление, которого могли держаться за линией Сейма московские послы, помогает «Роспись польским дорогам» времен Федора Ивановича. Касаясь деталей организации сторожевого дела, «Роспись» говорит: «Да ис Карпова же сторожевья бежать с вестью в Рыльск старою большою посольскою дорогою через речку Пену и через реку Псел». Эта дорога не проходила через самый Рыльск; из Рыльска надо было выезжать на нее, минуя верховья Суджи.² Так мы находим продолжение посольской дороги, шедшей от Москвы через Тулу, Мценск и Кромы на Курск. От Курска она направлялась прямо на юг к востоку от Суджи через Псел и Пену к Карпову сторожевью. Этим путем и ехали послы конца XV в., если они переправлялись через Сейм у Курского городища. Если же они ехали через устье Реута, то, оглябая литовскую укранны, они опять-таки должны были держаться правого берега Суджи, выйти к переправам через Псел и Пену. По указанию той же «Росписи», Карпово сторожевье лежало за Ворсклою, подле Муравской дороги. Здесь послы выходили на нее и, минуя в дальнейшем пути верховья Мерла и Коломака, шли Муравским шляхом до Перекопа. Так восстанавливается старая польская дорога, служившая для сношений с Крымом с самого их возникновения. Это было первое направление степных путей, проходившее почти на всем своем протяжении подле литовской укранны.

Но эта дорога не была единственной для конца XV и начала XVI вв. В 1484 г., поджидая московских послов, ордынцы стерегли их на Мерле, Донце и Осколе.³ Это дает уже три или, по крайней мере, два направления. И действительно, не так далеко от московской укранны степные дороги разветвлялись. Первая, как мы видели, отклонялась к западу, обходя верховья Б. Сосны. Другие направлялись прямо на юг к одной из ее переправ. Так, возвращаясь в 1492 г. из Крыма, посол Лобан Кольчев высылает вперед с вестью о себе, «перешодчи... Сосну».⁴ Пересекая

¹ Сб. РИО, XII, 188.

² Багалей. Материалы, I, 3.

³ Сб. РИО, XLI, 52.

⁴ Сб. РИО, XLI, 169.

Б. Сосну где-либо в ее среднем течении, эта дорога, идя дальше на юг, вероятно, выводила к Донцу у устья Оскола. Здесь, «на Донце усть-Оскола», были ограблены в 1489 г. шедшие из Крыма купцы.¹ Если взять среднее течение Б. Сосны и устье Оскола за два пункта рассматриваемого направления, то оно будет приблизительно соответствовать Изюмскому шляху. Представляя собою по сравнению с Муравским шляхом только одно неудобство — переправу через Донец, Изюмский шлях зато был наиболее прямой и короткой дорогой от московской Украины к Крыму. К этому наиболее удобному пути, как мы видим, уже прибегали в конце XV столетия.

Следующее направление лежало еще дальше к востоку. В 1503 г. шедшего из Москвы в Крым степью боярина Берсена-Беклемишева за Сосною разогнали ногаи. Несколько сообщений об этом событии по разному определяют место происшествия. Первое известие говорило о том, что боярин разбит на Осколе; второе, очевидно уточняя первое, определяло место нападения — «на Адаре у Оскола».² Путь Беклемишева лежал, по видимому, между Осколом и Айдаром, совпадая, таким образом, с позднейшим Калмиусским шляхом.³ Этим направлением воспользовался не только Беклемишев. В то самое время, как он ехал с севера, тою же дорогою ехал из Крыма московский гонец, татарин Татай, повстречавшийся с послом «близ Сосны на поле», незадолго до постигшей посла катастрофы.⁴

¹ Ibid., 79.

² Ibid., 471, 472, 477.

³ В 1503 г., во время военных действий против Литвы, для послов выбирали пути, более удаленные от театра войны. С этим фактом мы встретимся и ниже.

⁴ Сб. РИО, XLI, 471. Утверждал, что уже в самом начале XV в. был известен и использован для сношений с Крымом степной путь между Осколом и Айдаром, мы вступаем в противоречие с высказанным С. Ф. Платоновым мнением, что Калмиусский шлях был новым татарским шляхом, ставшим известным только в последней четверти XVI в. и вызвавшим своим появлением новые мероприятия по обороне южной окраины со стороны московского правительства (Очерки по истории Смуты, изд. 2-е, 64, 65). Но Калмиусским шляхом не только пользовались еще в начале XVI в. для мирных сношений, но и как возможный путь татарских набегов, он был известен еще до реформы кн. Воротынского 1571 г. До этого года уже существовала Айдарская сторожа, наблюдавшая, очевидно, за Калмиусской дорогой. В 1571 г., по дозору кн. Тюфякина и дьяка Ржевского, эта сторожа была отставлена, «потому что на тое сторожу ни большие ни малые воинские люди не ходят — пришли крепости великие». (АМГ, I, 8, 13, 29). После этого и станицы не доезжали по Донцу до устья Айдара. Впрочем надзор за шляхом не был оставлен совсем. Выше на Осколе, на Козиной поляне, стояли станичные головы. Разъезды станиц, которые они высылали к верховьям Айдара, должны были пересекать Калмиусскую сакму. В 1577 г. эти станицы были разгромлены пришедшими сюда неожиданно крымскими людьми. В это же время севернее, на Сосне, у устья Лпвен, был разбит татарами воевода князь Охлябинин (АМГ, I, 30, 38). Но это поражение не было вызвано оживлением старого шляха, надзор за которым был ослаблен. Оно было результатом появления, действительно, нового шляха, получившего, в отличие от старой Калмиусской дороги, название нового Калмиусского шляха. «Роспись польским дорогам» дает точное опре-

Наконец, последнее направление степных путей вело к Азову. Грамоты несколько раз упоминают о дороге в Азов «конми», «подем». Эта дорога тоже пересекала Донец, на котором в 1495 г. были ограблены шедшие к Азову гости-москвичи, но других указаний на направление дороги грамоты не дают.¹ Но «Роспись польским дорогам» знает новую посольскую дорогу от Ливен, на устье Деркула. Она поворачивала влево с Калмиусского шляха и шла через Айдар и Айдарские рассошины до Донца, до устья Деркула, до Мишкина перевоза.² Характерно, что дорога названа посольской. Эта дорога не могла быть дорогой в Крым: нам точно известно направление крымской посольской дороги конца XVI в. — от Ливен на гор. Оскол, Валуйки и дальше к Тору. Дорога к Деркулу была посольской дорогой, шедшей на Азов. Ею, действительно, направлялись в XVII в. московские послы, когда они ехали степью в Турцию или на Дон к казакам. До Валуек она совпадала с крымской посольской дорогой, а от Валуек шла к Айдару, через который переправлялись у Белого Колодезя, и к переправам через Донец, обычно у устья Деркула, у Митякина колодезя. Дальше дорога разветвлялась — на Азов, Черкасск и Раздоры. Вероятно, что в том же направлении, через Айдар и Донец, шла степная дорога на Азов и на рубеже XVI в.

Итак, в конце XV и начале XVI вв. Москва знала несколько степных путей, ведших в Крым. С известною долею вероятности можно установить четыре их направления: первое шло мимо Курского городища и выводило на Муравский шлях; второе от среднего течения Б. Сосны вело к устью Оскола, соответствия Изюмскому шляху; третье совпало с Калмиусскою дорогою, и четвертое, отделяясь от нее на широте Валуек, шло на Азов через устье Деркула. Так, изучая пути московских послов и купцов, мы

деление его направления: новый шлях шел от Гребенных и Хороших гор на Донце к северу и проходил между верховьями Айдара и Богучара (Багалей. Материалы, I, № 1). По актам станичного и сторожевого дела, начинаясь от Гребенных гор, эта дорога шла к северу между Донцом и Доном: «а пойдут меж рек — правые речки впади в Дон, а левые в Донец» (АМГ, I, 58). В вышедшем в 1929 г. атласе Кудряшова новая Колимиуская дорога показана правильно, отдельно от старой (Кудряшов. Русск. истор. атлас, табл. 23). Переправа татар через Донец лежала ниже Айдара: за полдняща Донецких Раздоров и 1½—2 дняща от Азова, и катастрофа 1577 г. объяснялась тем, что до этих переделов не досажали путивльские станицы и не ездили туда тульские и рязанские (АМГ, I, 57). В результате катастрофы Оскольская станица была перенесена в более укрытое место, к устью Убли, а разъезды этой станицы и Донской с Богатого затона, встречаясь, должны были пересекать и новую дорогу там, где она сходилась со старым Калмиусским шляхом (АМГ, I, 30, 39, 50, 51, 60). С постройкою Ливен и Воронежца обе станицы были упразднены (АМГ, I, 59).

¹ Сб. РИО, XLI, 78, 111, 127, 298.

² Багалей. Материалы, I, 1.

приходим к выводу, что те шляхи, которые служили для татарских набегов, были в то же время и путями мирных сношений на сто лет раньше, чем их очертила «Книга Большому чертежу».

Опасность длинного пути степью иногда заставляла отклоняться от обычного пути и спешить скорее выйти к населенной украине. В 1514 г. возвращался в Москву из Царьграда через Азов М. Алексеев с турецким послом Камалом. В Азове Алексеев сговорился с азовскими казаками, чтобы они проводили его на северские села. В вожжи был взят некий «Михаль Комаретцкий». Татары должны были проводить послов до верховьев Сосны (очевидно Тихой), а оттуда послы собирались повернуть к западу, к северской украине: «а пойти им на села на две Знаби, а от Знаби на Росоднов, от Росодного на Войкина, от Войкина на Бологин, от Бологина к Бирину, от Бирина к Хотешину на Северские села». Этот перечень северских сел дает возможность определить приблизительное направление избранной послами дороги. Село Бирин лежало на Десне несколько выше Новгорода Северского, две Знаби — Знобь Трубчевская и Знобь Новгородская — находятся почти там же, на реке Зноби, неподалеку от ее впадения в Десну.¹ Здесь же между Севском и Брянском находилась известная Комарицкая волость, откуда был, повидимому, и вожж, Михаил Комарецкий. К названным селам, пересекая Сейм ниже Рыльска, и должен был вожж вывести послов. Это направление, без сомнения, было случайным, как неожиданно случайным оказался действительный путь Алексеева и Камала.

Выведа послов в степь, азовцы бросили их и предпочли пойти в набег на мещерскую украину. Послы долго искали дороги: «а уже, государь, 6 месяц, как дороги искали»; шли пешком — «люди холодны и истомны, так ся лошадок ни остало ни у кого коей служить». Выйдя к Дону у устья Калитвы, побросали там все, «что ни было животца своего и чужого», и оставили 6 человек сторожить оставленное имущество. Сами же послы пошли дальше. На Воронеже, у устья Усмани, они встретили двух рязанцев, с которыми и остались, выслав в Москву с вестью о себе людей. «А пришли есмь в великую пятницу» (14 апреля), — писал Камал Василию III, — «на то место толко живы, а ни коней, ни корму, ни людей, и от зимней истомы есмь как не хотим, а болши чаем смерти нежели живота». «Приспехом... в державу царствия твоего на место, глаголемое

¹ Знобов «у Северском Новгородъце» и Брянское село Знобов встречаются в 1457 и 1467 гг. среди раздач короля Казимира (Русск. ист. библ., XXVII, 14, 50).

на Усман у Черной воды». Это едва ли не наиболее южное обозначение московских владений на юго-востоке для начала XVI в.¹

VI

Вторая группа путей для сношений с югом была западной группой. Эти пути проходили или через Киев, или через Северскую землю и Путивль. До присоединения Северской земли к Московскому государству этими дорогами пользовались преимущественно купцы. Невзирая на мыто и пошлины, в конце XV в. московские купцы зачастую отправлялись в Крым или возвращались обратно через литовские владения. Возвращаясь из Кафы или Заморья, они ехали на Киев и дальше поднимались Днепром, направляясь через Смоленск в Москву или в Тверь. Иногда от Киева ехали Сожем на Гомель, Пропорск и Мстиславль, или по Десне на Чернигов, Новгород-Северский, Радогощ и Брянск. Иногда, оставляя речной путь, ехали сухопутными дорогами, как это было в 1488 г., когда московские купцы из Чернигова пошли на Мценск.²

Опасность путешествия степью заставляла, как мы уже говорили раньше, при возможности и послов отправлять в Крым через литовские владения. В таком случае послы ехали на Калугу, Воротыньск. Первым литовским городом на их пути был Брянск. В Брянске послов встречал литовский пристав, провожавший их дальше. Здесь же послы получали или коней или суда до Киева.³

От Киева путешествие могло продолжаться водою или сушею «ковьями». Дорога шла на Канев и Черкасы, за которыми начиналась почти безлюдная степь, в которой были раскинуты только «уходы». От Черкас дорога шла на известный Таванский перевоз на Днепре.⁴ Несколькими десятками лет позже изучаемого времени Михайло Литвин дал яркое описание этого

¹ Сб. РИО, XCV, 90—95.

² Дорога через Чернигов и Брянск была постоянным путем для сношений между Киевом и Москвою (раньше Суздальской землей). В 1299 г. ехал через Брянск из Киева в Суздальскую землю митр. Максим (ПСРЛ, X, 172). Митр. Феогност ехал из Киева в Москву (1331—1340 гг.) через Чернигов и Брянск (ПСРЛ, VII, 203, 206). Позже изучаемого времени купеческие караваны обыкновенно шли из Киева в Москву этою же дорогою на Остер, Чернигов. (Верзилов. Очерки торговли южной Руси с 1480 по 1569 г. Земск. сборн. Черниговск. губ. 1898 г., I, 55).

³ Сб. РИО, XLI, 212, 215, 261. Когда московские послы ездили этою киевскою дорогою после присоединения северских княжеств к Москве, то литовский дьяк, как это было в 1510 г., встречал послов на рубеже между Киевом и Черниговом (АЗР, II, 74).

⁴ Сб. РИО, XXXV, 174, 175, 178—182, 220—222, 291—293; XLI, 113, 215, 216, 261, 262.

торного торгового пути, отмечая древность его.¹ Старая таможня и мыто Витовта на перевозе давно отошли в прошлое к концу XV в. В это время важность Тавани как речной переправы и, может быть, постоянные грабежи здесь со стороны черкасцев и киевлян,² и удобства Тавани как отправного пункта для нападений на Литву и Польшу приводят Менгли-Гирея к попытке прочно утвердиться на Таванском перевозе.

В виду тех неясностей, которые остаются в истории возведения крымских укреплений на Днестре, мы позволим себе остановиться на этом вопросе. Все указания источников на постройку Менгли-Гиреем крепостей на Днестре Карамзин и Замысловский относили к укреплению Очакова. В своей истории Крымского ханства В. Смирнов также был склонен все данные документов относить к постройке Очакова; что же касается Тавани, то ограничился замечанием, что в XVI в. Мухаммед Гирей (преемник Менгли-Гирея) возводил какие-то укрепления по обе стороны переправы.³ Кроме постройки Очакова, Ф. Брун указывал на постройку Менгли-Гиреем в 1492 г. еще замка Тягиня при впадении в Днестр Тягинца.⁴ О постройке двух укреплений на Днестре, Очакова и Тягиня, говорил и Владимирский-Буданов, относил их к 1492 г.⁵ Антонович считал, что Менгли-Гиреем построен в 1492 г. на левом берегу Днестра крепость под именем Тавани.⁶ Поправляя Бруна, Грушевский писал, что в 1492 г. Менгли-Гиреем, действительно, сначала хотел поставить замок на Тягинце, но поставил его по соседству, построив именно Очаков.⁷ Таким образом, по вопросу о возведении татарских укреплений на Днестре мы имеем ряд противоречивых мнений, и более всего невыясненным является вопрос об укреплении Таванского перевоза, а между тем источники не оставляют на этот счет сомнений.

¹ «Киев изобилует иностранными товарами, ибо нет пути более обычного, как древняя, давно проложенная и хорошо известная дорога, ведущая из черноморского порта Кафы через ворота Таврики на Таванский перевоз на Днестре, а оттуда степью на Киев; по этой дороге отправляют из Азии, Персии, Индии, Аравии и Сирии на север в Московию, Псков, Новгород, Швецию и Давию все восточные товары, как то: дороге камень, шелк и шелковые ткани, ладан, благовония, шафран, перец и другие приности. По этому пути часто отправляются иноземные купцы; они составляют отряды, иногда в 1000 человек, называемые караванами, и сопровождают обозы, состоящие из многочисленных нагруженных возов и навьюченных верблюдов» (Мемуары, относ. к истории южн. Руси, I, 51).

² О нападениях на Таванском перевозе см. Грушевский. Истор. украинск. казачества, 77, 108, 109; также Сб. РИО, XXXV, 27, 29, 46; XLI, 112, 114, 467, 469, 542.

³ Карамзин. История госуд. российск., VI, гл. V, 146. — Замысловский. Герберштейн, 355. — Смирнов. Крымское ханство, I, 339, 341—345.

⁴ Черноморье, I, 179, 180.

⁵ Архив юго-западн. Руси, VII, ч. II, 5.

⁶ Мемуары, относ. к истории южн. Руси, II, 155.

⁷ История Укр. Руси, IV, 330.

У Герберштейна мы встречаем указание на постройку Менгли-Гиреем двух замков на Днепре: «царь Тавриды, перешедши Борисфен и опустошив всю землю на большом пространстве, выстроил там две крепости: одною из них, Очаковым, недалеко от устьев Борисфена, теперь владеют также турки».¹ Турецкие источники указывают на постройку трех крепостей: «желая обеспечить безопасность своих подданных, Менгли-Гирей построил в Орском (Перекопском) проходе укрепление Ферхкерман, а на берегах Днепра — Джанкерман, Каракерман и Девлеткерман».² Попробуем проследить историю этих сооружений. В июне 1492 г. Менгли-Гирей писал в Москву: «есть на королевской земле ниже Тавани, на той стороне Днепра, городище на [д] Днепром; и яз нынеча пошел тот город делати со всеми людьми и, как даст бог, сделаю его и близко буду недруга своего, и яз, ох дасть бог, недругу своему да и брата своего недругу хочю недружбу чинити, сколько ми бог пособит».³ Собираясь зимовать в новом городке с женами и со всеми улусами, хан обещал пойти на Литву в жнитво.⁴ В июле того же года стало известно великому князю Александру, что Менгли-Гирей «поехал со всеми людьми своими города Тягиня оправляти». Александр напомнил хану, что Тягинь — отчина литовских князей, но в то же время выражал готовность сам «оправить» город и уступить его Менгли-Гирею, если только хан будет с Литвою в мире.⁵ В октябре московский посол Кольчичев писал из Крыма, что царь город на Днепре сделал и людей посадил. Литовский князь снова протестовал против постройки города и предлагал Менгли-Гирею уплатить даже «не в одноряд» все убытки, если он отступится от города и выведет из него своих людей. Затягивая переговоры с Литвою, Менгли-Гирей наоборот спешил укрепить город и, закончив работы, посадил в городке царевича Ямгурчей.⁶ В январе 1493 г. Ямгурчей писал в Москву: «в город вшедши..., у недруга, как на шее, вшед, стоим».⁷ В июне 1493 г. Менгли-Гирей снова писал Ивану III, что, как только придет жнитво, он пойдет на литовскую землю, опираясь на новый городок на Днепре.⁸ Осенью того же года, возвращаясь «из волох», москов-

¹ Герберштейн, в перев. Анонимова, 8, 158.

² Извлеч. из турецк. рукописи, содерж. историю крымск. ханов. Записки Одесск. общ. истории. I, 383.

³ Сб. РИО, ХLI, 149, 152, 153.

⁴ Ibid., 153.

⁵ АЗР, I, 119, 120.

⁶ Сб. РИО, ХLI, 165—168.

⁷ Ibid., 178.

⁸ Ibid., 187.

ский посол Ив. Суббота шел уже «под новой городок ко царю на перевоз».¹ Но в октябре 1493 г. Менгли-Гирей дал знать в Москву, что литовцы взяли его город на Днепре: «а из того города, стоячи, литовскую землю было воевати и разорити, ино тому не истерпев, сесь город того дея разорили». Это был набег служилого литовского царевича Уздемира и черкасского воеводы кн. Богдана Глинского.²

Несмотря на общепринятое мнение, что в 1493 г. кн. Б. Глинский разрушил именно Очаков, мы думаем, что во всех привлеченных нами грамотах речь идет о создании Менгли-Гиреем городка на Тягинке, как это указывал Ф. Брун. За это говорит прежде всего грамота в князя Александра, прямо называющая новый город Менгли-Гирей Тягинем. На Тягинку указывает и грамота самого хана, где он пишет, что для нового городка он нашёл городище «ниже Тавани», т. е. не так далеко от перевоза. Как мы видели, к перевозу у нового городка направился из Валахии посол Ив. Суббота. Это не исключает возможности того, что этот новый городок — Тягинь: у Тягинки действительно был один из перевозов через Днепр, как указывает Михайло Литвин.³ Одна московская грамота как-будто противоречит нашему утверждению. В ноябре 1493 г. московскому послу было поручено указать Менгли-Гирею на нецелесообразность возведения его городка слишком далеко от литовских границ: «а взмолвит царь о городе, что на Днепре город делал, и Константину молвити: город еси, господине, делал, сказывают на устье на днепрском, у моря, далече от Литовские земли, ино, господине, котораа недружба в том литовскому?»⁴ На первый взгляд городом у моря, у устья днепровского, мог быть только Очаков. Но возможно, что в представлении Москвы и Тягинь мог считаться городом, лежащим уже у устья Днепра. «Книга Большому чертежу» считает от устья Тягинки до моря лишь 30 верст: «а ниже Тягинки 30 верст пала река Днепр в морскую проливу Черного моря в Ильмень».⁵ Но главное, что убеждает, что первый днепровский городок Менгли-Гирея был не Очаков, а Тягинь, это — история восстановления городка, разоренного в 1493 г. Уже в октябре 1493 г., сообщая о разорении замка, Менгли-Гирей писал о своем намерении восстановить его. Замок вскоре был восстановлен, но перенесен в другое, недоступное для врага место. В июне 1494 г. хан

¹ Ibid., 195. Ср. Любавский. Нач. истор. малорусск. казачества. ЖМНП, 1895, № 7, 226.

² Сб. РИО, ХLI, 193, 195, 196.

³ Мемуары, относящ. к ист. южн. Руси, I, 50.

⁴ Сб. РИО, ХLI, 204.

⁵ Книга Больш. чертежу, изд. Спасским, 102.

сообщал в Москву: «перешед Непр, у Белгорода близко, на воевание город чиню, а из Литвы убытка тому городу не учинити — таково место сделав».¹ Менгли-Гирей собирался посадить в городе 3000 воинов и по 1000 высылать их воевать Литву.² Город был, повидимому, отстроен в 1495 г.: в грамоте, написанной в октябре этого года, Менгли-Гирей писал о новосделанном городке.³ На этот раз это был Очаков.

Очаков тотчас же стал новым этапом в путешествиях из Москвы в Крым. В 1498 г. «на новый городок» отправилось 60—70 московских купцов, бывших в Крыму. В том же году инструкция послу кн. Ромодановскому, отправлявшемуся в Крым через Киев, указывала, чтобы он требовал в Киеве провожатых или до Крыма, или до Тавани, «или до Менгли-Гиреева городка, до Ачякова, что на усть-Днепра». В 1499 г. к Очакову приехали Днепром московские купцы и отсюда отправились в Крым.⁴ Дорога через Очаков, очевидно, казалась удобною им. Но в 1500 г. они возбуждают жалобу на установление в Очакове тамги, жалуются и на то, что эту новую тамгу стали брать и с тех купцов, которые идут в Крым прежнею таванскою дорогою.⁵

Очаков стал одним из этапов и для сношений Москвы с Валахией. Так, отправленный в 1498 г. «в волохи», Федец Оксентьев ехал сначала в Крым и оттуда дальше через Очаков.⁶ По всей вероятности, этот путь имеет в виду Никоновская летопись, рассказывая о возвращении в 1520 г. из турецкого посольства Б. Голохвастова: «и возился Дунай под Келнею, а от Келли к Белуграду, да тут возился Днестр великую реку, а от Белграда к Такову (Очакову?), да тут возился Днепр, а оттоле к Перекопи к Крымскому царю Магмед-Гирею приехал».⁷ Описание Днепра от Переволочны до Черного моря, составленное в 1697 г., отмечает, что очаковская переправа была обычной на пути из Крыма в Белгород и, следовательно, в Валахию; это — «перевоз татарский, где орда крымская на белгородскую сторону, а белгородская на крымскую перевозится».⁸ Рассказ об Очаковской переправе, Броневский отмечает удобство пути от нее до Крыма: дорога проходит мимо улусов, нив, лугов и хижин татарских.⁹

¹ Сб. РИО, ХLI, 197, 210.

² Сб. РИО, ХLI, 210.

³ Ibid., 219.

⁴ Ibid., 261, 262, 278, 285, 286.

⁵ Ibid., 313.

⁶ Ibid., 255, 256, 310.

⁷ ПСРД, XIII, 36.

⁸ Записки Одесск. общ. ист. и древн., III, 573.

⁹ Записки Одесск. общ. ист. и древн., VI, 337.

Так, Очаков, сейчас же после его построения, стал одним из этапов московской дороги в Крым.

Но в то же время не была оставлена и старая дорога на Таванский перевоз, где вскоре возник еще один замок Менгли-Гирея. В 1504 г. он сообщал в Москву, что укрепляет Перекоп и собирается строить город на Тавани: «да еще сам на Днепре, на Таване, хочю доспети один город велик, а городища есть, и из то хочю город доспети»; или иначе: «а на Днепре; на Таване перевозе Инкермен город зделаю».¹ В 1506 г. город уже существовал и получил название Ислама: «а еще што на Товани город мой збудован, на имя Ислам-городок».² Так возник Ислам-кермень, игравший видную роль в последующей борьбе Москвы с Крымом. Инкермень, Ислам-кермень, Ислам-городок, как его ни называли, стал крайним пунктом крымских владений.³ Уже в 1506 г. Менгли-Гирей просил киевского воеводу дать челн и гребцов ханскому купцу «до нашего места Илям-керменя». Здесь назначается выдача литовских пленников, попавших в Крым.⁴

В эти годы сближения Крыма с Литвою Ислам-кермень отнюдь не был угрозой для Литвы. Наместником нового городка был назначен князь Абды-Рахман, глава литовской партии в Крыму. Позже сам Абды-Рахман рассказывал о своем назначении, что Менгли-Гирей «на Днепре город доспел, а мне молвил: межи короля, брата моего, и меня обема нам правдою служи».⁵

От Таванского перевоза до Перекопа открывался прямой путь ровною степью. И если Контарини в 1474 г. в этой степи претерпевал большую нужду, то, по отзыву Михаила Литвина, весь путь от Черкас до Перекопа шел удобною, не прегражденною ни горами, ни лесами, ни болотами степью.⁶

VII

Еще до присоединения северских княжеств к Москве мы встречаем попытки итти из Крыма в Москву, минуя Киев, через литовский пока Путивль. Но попытки эти вызывали некоторые осложнения. В 1498 г. были задержаны наместником в Путивле ехавшие в Москву московский и турецкий послы и сопровождавшие их купцы, так как, избрав необычный путь,

¹ Сб. РИО, XII, 540, 544.

² Сб. Оболенского, 75, 92.

³ Сб. РИО, ХСV, 270.

⁴ Сб. Оболенского, 66, 67.

⁵ Сб. РИО, ХСV, 454.

⁶ Бябл. иностр. писат. о России Семенова, I, 24—26. Мемуары, относ. к ист. южн. Руси,

они задели разнообразные интересы. Указывая на то, что послы «гостей купцов проводят с собой мимо наши головные места, а там в нашей земли, в Киеве и в Луцку, склады издавна бывали всяким купцом заморским», великий князь литовский просил, чтобы купцы мыт не объезжали, «и, где издавна склады гостем бывали, тут бы и теперь были».¹ Дело было не в стремлении купцов вообще избежать мыта: в эти годы мыто существовало и в Путивле.² Но при системе отдачи мыта на откуп и выдач пожалований из доходов того или другого мыта объезд купцами определенного, в данном случае киевского, мыта задевал интересы целого ряда лиц. Что касается складов, то в Литве было установлено, что иностранные купцы могут торговать только в определенных городах, где были устроены «склады» для иностранной торговли. Для московских купцов такие склады были в Киеве и Луцке. Там же должны были останавливаться на известный срок и купцы, ехавшие из Крыма. Продавать свои товары они должны были оптом и притом только местным купцам. объезжая Киев, ехавшие с послами купцы нарушали право склада и интересы киевских купцов. Задевались также интересы старост и мещан, так как старосты по обычаю получали подарки от купеческих караванов, а мещане давали купцам внаймы челны.³

Но с присоединением Северной земли к Москве можно было не пользоваться больше киевской дорогой для сношений с югом. Тотчас после присоединения, в 1500 г., московским послам, собиравшимся домой из Крыма, был дан наказ идти на Путивль. Направление Москва — Путивль — Перекоп становится с этих пор постоянным для сношений с Крымом.⁴

От Москвы эта дорога шла сначала на юг к Серпухову, но от Лопасни поворачивала к юго-западу на Калугу, Воротынский, Брынь.⁵ Дорога населенными местами давала ряд культурных удобств для путешествия. В 1502 и 1503 гг. от Москвы до Воротынска и дальше до Новгорода-Северского

¹ Сб. РИО, XXXV, 245—248. — АЗР, I, 176.

² Акты Литовск. русск. государ., I, 86. — Русск. ист. библ., XXVII, 218, 220, 285. — Довнар-Запольский. Госуд. хозяйство в княж. Литовск., 559. — Грушевский. Ист. Укр. Руси, VI, 12.

³ Довнар-Запольский, ук. соч., 367, 368, 380. — Вераилов. Очерки торговли южн. Руси. Земск. сб. Черниговск. губ., II — IV, 49, 51.

⁴ Сб. РИО, XLI, 327.

⁵ Сб. РИО, XI, 441, 443; XCV, 187, 255, 334, 561. В подорожной 1502 г. указаны все станы от Москвы до Брыни: «а первой стан послом от Москвы в монастырском селе в Симановском в Сосеском; а другой в Спаском селе Соскове; а третьей на Лопасне в Федорове селе Василчикова или в Хруцова селе; а четвертой в Грабыни в Серпоховском; а пятый в Поле в Торуском; а шестой в Лисине в Колужском; а семой в Колузе; а осмой в Воротынску; а девятой в Серевску; а десятой на Брыни». (Сб. РИО, XLI, 441).

были устроены ямы.¹ От Брыни дорога шла через вотчины московских вассальных князей — Мезецких, Говдыревских, Трубецких (князя Андрея с братьями), кн. Семена Стародубского и Вас. Шемячича.² На этом пути упоминаются Брянск, Трубецк, Новгород-Северский. Раз встречается случайное отклонение на Почеп; раз от Новгорода-Северского ехали на Рыльск; но обычный путь лежал на Путивль.³

На значение Путивля как окраинного московского города в XVI в. давно указано в исторической литературе. Ту же роль окраинного пункта он играет и в путешествиях послов. Из Новгорода-Северского или из Путивля послам давался конвой, путивльцы или рыльцы, «кои гораздо знают на поле», провожавшие послов нередко до Перекопа. С своей стороны хан высылал в Путивль «встречу» послам или же на обратном пути посылал проводить их до Путивля. В Путивле или даже Новгороде-Северском послам выдавался корм на всю дорогу степью, «чтобы им было до Крыма прокормиться».⁴

К югу от Сейма, куда теперь направлялись послы, лежала почти пустынная Украина.⁵ Впрочем за Путивлем послам еще встречались населенные места; таков первый стан за Путивлем — Рышово, Клепецкие волости за Сулою и, может быть, зимовники путивльских севрюков.⁶

Эти севрюки, степные ухадники, оказывали разнообразные услуги посольствам. Их посылали проводить послов, «докуды будет пригоже».⁷ Зимой их посылали протоптать дорогу послам. Так, в 1517 г., Василий III просил Вас. Шемячича: «до послал бы еси их на поле проводить севрюков своих, доколе пригоже, не малых людей, а нешто будут на поле снега великие, и ты б послал из Путивля своих казаков людей многих, а велел бы еси им дорогу протоптати». Но протаптывать дороги не пришлось: посол пошел из Рышова готовым пробродом, которым шли севрюки «в северы». Проброд севрюков выручил послов и четырьмя годами раньше, в январе 1513 г. Послы «залежались» в Путивле: снег доброму коню по тебенек, сверху серен, а на-исподи-лед толще перста. «И мы, государь», доносил посол, «после того неделю лежали, а ждали есмя, государь, севрюков с поля, чтобы, государь, нам тою дорогою итти; и севрюки, государь,

¹ Гурлянд. Ямская гоньба, 43—49, 53.

² Сб. РИО, XLI, 442, 485, 508, 510; XCV, 88, 187.

³ Ibid., XLI, 441—443, 483—485, 496, 497, 499, 500, 506—509, 511, 513, 516, 521, 523—525, 538, 555, 558; XCV, 66, 84, 139, 158, 159, 187, 352, 425, 426, 530, 561, 563.

⁴ Ibid., XLI, 442, 443, 473, 513, 516, 521, 523, 524, 553, 554; XCV, 41, 187, 225, 493, 547, 551—554, 561, 565, 590, 593, 611, 614, 615, 618, 650, 652, 654.

⁵ Грушевский. Истор. Укр. Русь, VI, 283. — Ср. Герберштейн в пер. Аноимова, 9, 105.

⁶ Сб. РИО, XCV, 425, 426.

⁷ Ibid., 225.

с поля пришли нартах, а кони, государь, и с санми пометами на поле в своих вотчинах, а итти, государь, было им, сказывают, на конях не мощно».¹

В этом рассказе о севрюках, возвращающихся с поля, можно видеть одно из ранних указаний на украинные степные уходы. Начиная с середины XVI в. мы располагаем достаточными данными для характеристики степных промыслов, но у нас слишком мало сведений о них для более раннего периода. Тем ценнее являются те указания, которые дают ранние документы посольского дела. В 1517 г. Василий III дал для человека царевича Ахмата опасную грамоту как на имя украинских наместников, так и всех украинских людей, «которые пойдут на поле в свои ухояжи и на добычи». В 1515 г. азовские люди напали на путивльские «зимовники».² Сопоставляя эти указания с приведенным выше рассказом, мы можем в севрюках, возвращающихся с наступлением зимы из степи, видеть уходников, возвращающихся со своих промысловых становниц; вотчины же на поле, где севрюки побросали сани, можно отождествить с теми зимовниками, в которых приходилось зимовать задержавшимся в степи промышленникам.

За последними северскими поселками общее направление пути от Путивля до Крыма определяется только степными реками, названия которых встречаются в посольских документах. По разным поводам грамоты называют Сулу, Ворсклу, Орель, Самару, Овечьи воды, встречающиеся на дороге посольств.³ Об Орели и Самаре на пути из Путивля в Тавриду упоминает и Герберштейн.⁴ Последние из перечисленных рек — Орель, Самара, Овечьи воды — указывают нам на Муравский шлях, который огыбал их верховья. Очевидно, послы на пути из Путивля в Перекоп так же, как раньше послы, ездившие степным путем на Курское городище, в последнем отрезке своей дороги шли этим шляхом. Но где же выводила на Муравский шлях путивльская дорога? Та же «Роспись польским дорогам», на которую мы неоднократно ссылались, дает указание, как от Самары и Орели бежать с вестями в Путивль, а именно — от Самары до верховьев Мжа и Коломака Муравской дорогой, а от верховьев Мжа и Коломака поворотить налево через

¹ Ibid., 89, 425, 493, 494.

² Сб. РИО, XCV, 231, 352.

³ До Сулы в 1512 г. провожали послов из Путивля. В 1518 г., возвращаясь из Крыма посол Шадрин с Сулы посылал вест о себе. В 1515 г. гонцов провожали до Ворсклы. В том же году посол Тучков с Ворсклы посылает грамоту в Москву. В 1519 г. посол Андреев ехал от Перекопа на Ворсклу. В 1501 г. на Орели был захвачен ехавший из Путивля кн. Ромодановский. В 1303 г. московского посла провожали из Путивля до Самары. То же в 1518 г. На Овечьих водах в 1502 г. разогнали возвращавшегося из Крыма Мамонова. Сб. РИО, XII, 347—349, 413, 503, 505, 513; XCV, 89, 147, 188, 495, 560, 615.

⁴ Герберштейн, в пер. Анонимова, 107.

Мерл, Ворсклу и Псел.¹ Если эта дорога, так же пересекающая Ворсклу, как это приходилось делать и послам, могла быть посольскою дорогою от Путивля в Крым, то в таком случае послы выходили на Муравский шлях у верховьев Мжа и Коломака, и вся их дорога могла бы совпасть с более поздною известною по актам сторожевой службы Лосицкою дорогою. Акты так обозначают ее от Путивля: «от Путивля станицам перевестись Семь в Дороголиве на усть Вира,² да ехати Виром вверх, да перелезти Вир у Хосотина на усть Руды, да ко Пслу, а Псел перелезти у Липенского городища, да в проходы, да наверх Боровни,³ да Боровнею на низ, да через Колодезь Рядом, да к Ворсклу, а Ворскол перелезти у Буен Борку в Лосицах, а от Лосиц к Казанковой могиле, да к Мерлу, а Мерл перелезти ниже Турчинова городища, да полем едучи видеть Мерчик, да к Донецкой правороти да низ Одрина, да к Мжу».⁴ Проследив этот путь по карте, мы видим, что это ближайшее направление от Путивля к верховьям Мжа. Итак, если наши сближения правильны, выйдя у Мжа на Муравскую дорогу, послы могли итти ею дальше до Перекопа.

Мы встречаем впрочем и отклонения от этой обычной дороги. Зимю 1517 г. посол Челищев шел пробродом севрюков до Сулы и, перейдя Сулу в Клепецкие волости, направился к Днепру, к устью Псла, с очевидною целью перейти Днепр. К устью Псла по Засулью ехали послы и в конце декабря 1515 г. Уезжая из Москвы в ноябре 1515 г., татарские послы собирались, если Днепр станет, перейти его у устьев Орели и Самары, по левой же стороне Днепра итти только в том случае, если река не станет.⁵ Так, мы видим, что зимю послы часто предпочитали, миновав Путивль, итти правым берегом Днепра, перейдя реку в том или другом месте. Это сильно сокращало дорогу. Зимю путь «по Заднепрью», вероятно, представлял собою меньше опасностей со стороны Литвы и черкасских казаков, чем летом, но известная настороженность оставалась постоянно. Отпуская в 1515 г. татар, Василий III дал им совет: «где бы вам Днепра не лести, а ити бы вам дале литовские украинны».⁶ Также Мамонову был дан наказ перейти Днепр у устья Самары, т. е. достаточно далеко от литовской украинны,

¹ Багалей. Материалы, I, 3.

² Грамота 1517 г. называет первый стан от Путивля — Рышово (Сб. РИО, ХCV, 425). Если Рышово можно отождествить см. Рыжевка Путивльского уезда на дороге из Путивля в Сумы (Списки населенн. мест Курск. губ.), то это совпадает с направлением Лосицкой дороги к Виру.

³ Боровля, приток Ворсклы.

⁴ АМГ, I, 13.

⁵ Сб. РИО, ХCV, 190, 225, 425, 426.

⁶ Ibid., 190.

но провожавшие посла татары убедили его изменить маршрут, говоря: «да нынеча есмь себе прямую и тихую дорогу промыслили на усть-Псла за Днепр лести».¹ Обычно правым берегом Днепра шли в Крым зимою, но раз мы встречаем переправу за Днепр и весною.²

Направляясь по Заднепрью к югу, послы выходили к известному нам Ислам-керменю.³ В конце зимы 1516 г. в Крыму ждали из-за Днепра посла Мамонова. Хан Мухаммед-Гирей приказал Абды-Рахману, как только посол придет под Ислам-городок, перевезти посла в судах через Днепр, если же Днепр будет подо льдом — перепроводить по льду по здорову. Но Мамонов не смог перейти реку и от устья Псла отправился вдоль Днепра левым берегом: «а искали, государь», доносил Мамонов, «и не в одном месте, где за Днепр лести, ино, государь, везде Днепр не стал». Дорога случилась «крива» и тяжела. При переправе через Самару едва не потонули кони. К Ислам-городку Мамонов подошел левым берегом Днепра. До Ислама уже стали встречаться первые люди Перекопской орды. За 7 верст от Ислам-керменя посла встретил пристав кн. Абды-Рахмана и звал «чествовать» в Ислам-городок, но, отказавшись от чести, посол поехал прямо на Перекоп. Этот отказ Мамонова отвечал общей московской политике по отношению к крымскому князю, главе литовской партии. Что иначе и быть не могло, понимал и хан. Когда Абды-Рахман еще только строил планы чествования московского посла, Мухаммед-Гирей высказал свои сомнения: «хоти бы у него 9 ног было, а не ведаю, к тебе и одною ступит ли».⁴ В 1518 г. послу кн. Ю. Пронскому был дан уже прямой наказ: «а нечто на дорозе пришет из Ислама ко князю к Юрию Адрахман-князь, а учнет его звати к себе в Ислам, или иной кто будет в Исламе, а учнет его звати к себе в Ислам, чтобы к нему поехал в Ислам, а похочет его чтити, и князю Юрию в Ислам к Адрахман-князю ни к иному ни к кому однолично никак не ехати, а ехати ему прямо в Крым».⁵ Князь Пронский ехал обычно дорогою послов из Путивля. Ислам-кермень, лежавший на левом берегу Днепра⁶ и остававшийся вправо от посольской дороги, был расположен, очевидно, не так далеко от нее.

Итак, мы встретили 4 варианта западных дорог из Москвы в Крым: первая определяется Киевом и Таванским перевозом как главными пунктами,

¹ Ibid., 226.

² Ibid., 69.

³ Ibid., 434, 439.

⁴ Ibid., XCV, 225, 226, 270.

⁵ Ibid., 595.

⁶ См. Карту России по чертежу Ф. Б. Годунова.

через которые она проходила; вторая шла через Киев на Очаков; третья шла на Путивль и дальше выводила на Муравский шлях, и четвертая от Путивля уходила в Заднепрье и снова выводила к Таванской переправе. Так или иначе, все дороги приводили к Перекопу.

Если Перекоп еще не был конечным пунктом посольского путешествия, тем не менее, вступив на перешеек, посол испытывал облегчение после трудной дороги: «дал бог до Перекопи дошли есмья». За версту от Перекопа посла обыкновенно встречал царский пристав с традиционным подарком, аргамаком в седле.¹

VIII

Последнее направление путей из Москвы в Крым — это дорога через Рязанский край и дальше Доном. В конце XV в. это — постоянная дорога московских купцов, «ежелеть» направляющихся в Азов и Кафу.² Несколько раз и Менгли-Гирей просил Доном отпустить его людей. Обыкновенно это бывало тогда, когда они везли кречетов, с трудом переносивших степную дорогу.³ Мы видели, как и Иван III стремился наладить «мирную» дорогу Доном для своих послов, направлявшихся в Крым. Но даже первое посольство в Турцию в 1496 г. отправилось из Москвы степью на Перекоп,⁴ и лишь с 1499 г. послы, отправлявшиеся в Царьград или Кафу, стали ездить Доном, минуя Крым.⁵

Если ехали через Рязань, то дорога шла на Коломну; при этом из Москвы выезжали на Котлы и Пахру или через Болвановье.⁶ От Коломны иногда ехали до Рязани рекою, но обычно давались подводы от Москвы до Рязани. По этой дороге еще не было ямов; обязанность выдавать корм послам в Коломне и Рязани ложилась на ключников великого князя, которые закупали припасы, если чего-либо не хватало в их кладовых.⁷

¹ Сб. РИО, XCV, 269, 270.

² Ibid., XLI, 161—163, 269, 280, 361, 410, 411, 433.

³ Ibid., XLI, 106, 107, 111, 121, 124, 133, 175, 244, 269.

⁴ Ibid., 231, 242. — ПСРЛ, XII, 245.

⁵ Сб. РИО, XLI, 280, 292, 295, 318, 397, 402.

⁶ Ibid., XCV, 95. — Ср. ПСРЛ, VI, 42, 43; VIII, 234; XI, 54. — Сб. Оболенского, 19. — Русск. ист. сб., III, 23, 24.

⁷ Сб. РИО, XLI, 365, 416; XCV, 94, 95. — Гурлянд. Ямская гоньба, 50. Если в Рязани не было правильно организованных ямов, то указания на повинности, связанные с посольским делом, встречаются еще в домосковские времена. Договорная грамота рязанских князей 1496 г. упоминает тяглых людей в Переяславле, «кои послов кормят». Они же названы — «кладежные люди, кои послов кормят в Переяславле» (СГГ и Д, I, 322, 323, 327, 328). Кроме повинности доставлять корм послам, на этих людей ложилась повинность перевозки и погрузки

В Рязани был узел разнообразных дорог. Отсюда шел речной путь по Оке к Мурому и Н.-Новгороду, сюда выходили степные пути так называемой ногайской стороны, отсюда, наконец, направлялись к Дону, чтобы там погрузиться в суда. В изучаемое время через Коломну и Рязань до самой окраины провожали из Москвы ногайских послов, причем провожавшим их детям боярским давался, очевидно, не лишний наказ, «помотчати» на украине, «чтобы ногаи, вышед из украини, великого князя людем никакова не учинили лиха».¹ Туда же, к Рязанской степной украине, были отправлены в 1501 г. возвращавшиеся в Крым татары Менгли-Гирея и московские татары-гонцы.² Иван III просил княгиню Аграфену дать «кормец» гонцам по ее земле и проводить их до Верды, до сторож, чтобы «от ваших людей», писал Иван, «от заполян лиха никоторого не было».³ В этой грамотке отразился весь быт степной украини. Сторожи на Верде относятся к тем рязанским сторожам, которые нам известны для девяностых годов XV в., так же, как и шатские сторожи, и являются прямым продолжением этих последних. Степные «уходы» характерны для всей южной украини, — бортные и ловчие ухояи, рыбные ловли по Дону и Воронежу играли крупную роль и в хозяйстве Рязанского княжества.⁴ Посольские грамоты упоминают зимовники уходников не только под Путивлем, но также под Беловом и Рязанью, где в 1515 г. азовцы захватили рязанских бортников и рыболовов.⁵ Всего вероятнее, что те два рязанца, которых встретил посол Камал во время своего блуждания по степи на р. Усмани, были степными уходниками. Таких уходников мы видим и в людях-заполянах, о которых говорит грамотка Ивана III. Иногда московское правительство прибегало к услугам рязанских казаков-уходников так же, как к услугам путивльских и рыльских севрюков. Так, в 1502 г. для проводов турецкого посла Алакозя было поручено «наняти казаков рязанских 10 человек, которые бы на Дону знали».⁶

посольской кледи в суда. Эти повинности аналогичны с повинностями мещан южных литовских городов поднимать послов, давать им подводы и т. п. Раннее время договора указывает не на донской, а скорее на окский и волжский путь.

¹ Сб. РИО, ХСV, 18.

² В первой половине XVI в. на юго-востоке Рязанской земли окраинными городами были Шаце, Сапожок, Рязск, к крымской же стороне «поля» были обращены Венев, Гремячий, Печерники, Некрасов. (Очерки по ист. Рязанского края. ЖМНП, 1914, IV, 273.)

³ Сб. РИО, XLI, 366.

⁴ СГГ и Д, I, 322, 327. Бахрушин. Княжеское хозяйство XV и перв. полов. XVI века. Сб. статей, посвящ. В. О. Ключевскому, 572, 579.

⁵ Сб. РИО, ХСV, 142, 231.

⁶ Ibid., XLI, 413.

Итак, гонцам-татарам предстояло ехать через линию рязанских сторожей и пересечь всю полосу рязанских степных ухажаев. Напомним, что это было в 1501 г., когда шла война между Москвою и Литвою, и астраханский царь Ших-Ахмат, по призыву князя Александра, сначала стоял у Дона и потом перешел к Днепру. Прямой степной путь оказался закрытым для гонцов, и они поехали окольною дорогою. Таким образом Верда оказалась случайным этапом на дороге из Москвы в Крым.

Обычно от Рязани послы направлялись к Дону. Герберштейн указывает на Ст. Донков, как то место, где садились в суда все, кто отправлялся Доном.¹ Но к Дону был выход не только через Рязань, но и через недавно присоединенную к Москве каширскую и веневскую окраину. В таком случае и послы и купцы садились в суда на Красивой Мече. Так, в 1499 г. посол Голохвастов был отправлен в Кафу Доном, «а клались в судно на Мече у Каменова Кояя».² Мечею и Доном до Азова ехали в следующем году турецкий посол Салый и московский посол Кутузов.³ Таким образом, речной путь начинался или у Донкова или с Красивой Мечи. Но в то же время иногда, возвращаясь с юга в Москву, послы высаживались уже у устья Воронежа и ехали до Москвы на подводах.⁴

Помимо прямой дороги Доном, изредка пользовались второстепенными реками и речками. Так, посланные к устью Камитвы за брошенной там послом Камалом посольскою казною рязанские дети боярские ехали Воронежем и потом уже вышли в Дон.⁵ Возвращаясь в 1501 г. из Москвы, турецкий посол Алакозь ехал очень сложным путем. От Рязани он отправился судном до Ст. Рязани, оттуда вверх Пронею, в Ранову, Хупту, Хуптою вверх до переволоки — до Рясского поля. Дальше ехали на подводах до Рясы, где снова «клялись» в суда. Ряса вывела посла в Воронеж, и Воронеж — в Дон.⁶ Этот сложный речной путь, указанный еще Иловайским, стал рассматриваться в исторической литературе как один из обычных путей

¹ Герберштейн, в пер. Анонимова, 101, 103.

² Сб. РИО, XLI, 280, 282. — Загоскин указывает, что на Мече, верстах в 25 выше Бюфремова, есть громадная гранитная скала, которая и теперь называется «Конь-Камень». Русск. водн. пути и судов. дело в допетровской Руси, 227. По росписям 1571 и 1577 г. станичники, стоявшие на Мече у Турмышского брода, должны были в разъездах направо доезжать до Кояя или Каменного Кояя. Турмышский брод по росписи Донковским сторожам 131 г. лежал на Мече в 40 верстах от Донкова (АМГ, I, 9, 24, 25. — Беляев. О сторож. станич. и полев. службе, прил. 69).

³ ПСРЛ, VI, 44; VIII, 238; XII, 250. — Сб. РИО, XLI, 403.

⁴ Ibid., XLI, 403; XCV, 428.

⁵ Ibid., 94.

⁶ Ibid., XLI, 411, 412.

из Москвы на юг.¹ Но это направление было исключением. Посол Алакозь направлялся из Москвы в тревожный 1501 год. В этом году было запрещено кому бы то ни было из купцов выезжать на Дон. Иван III писал сестре: «а лутчих бы еси людей, и середних и черных торговых на Дон не отпускала ни одного человека».² Впрочем это запрещение едва ли было вызвано опасениями за судьбу самих купцов. Оно было вызвано общей мобилизацией всех служилых людей для литовской войны. Торговые же люди должны были оставаться в Рязани, повидимому, для возможной местной службы. Что же касается посла, то для него выбрали путь подальше от театра войны и степи, в которой находилась орда Ших-Ахмата, и, действительно, путь отдаленными рязанскими реками был достаточно укрыт.

От Рязани конвой провожал послов обычно до реки. Считалось достаточным проводить «до большой воды». Но в последние годы изучаемого времени (1515—1521 гг.) рязанские дети боярские и казаки провожали послов вплоть до Азова. В то время как посол ехал рекою, отряд детей боярских высылался вперед берегом «дороги смотреть». На отряд возлагалась обязанность и общего наблюдения за «полем». Обязанности казаков-станичников иногда падали и на самого посла: «как ож даст бог поедет Доном и где наедет, гребучи, людей или сакму наедет на поле под великого князя украину, а будет пригоже Мите оттоле воротити казака великого князя с тою вестью, и Мите оттоле с тою вестью казака великого князя воротити к великому князю, а отказати ему, под которые места украины великого князя та сакма пошла, и где ее переехал, и многие ли люди тою сакмою шли». Посол не забывал сообщать в Москву результаты своих наблюдений над степью: «а на Дону, государь, люди на нас не прихаживали, а видели есмя, государь, многих людей на Северском Донце человек с 20; а повыше, государь, Донца видели есмя перевоз, с ногайские стороны на крымскую сторону перевозилися как бы человек со 100, а того, государь, не ведаем, которые люди».³

Повидимому, реже, чем в степи, но и на Дону бывали нападения на послов и купцов со стороны ордынцев и азовцев.⁴ Несмотря на принятые меры предосторожности, не миновал той же участи и посол Алакозь и его спутники: «а Олешу, государь, Голохвастова да и Алакоза и всех гостей

¹ Иловайский. Сочинения, 199. — Замысловский. Русский историч. атлас. Текст. — Платонов. Очерки по истор. Смуты, 60, 61.

² Сб. РИО, XLI, 418.

³ Ibid., XLI, 397, 412, 413; XCV, 140, 141, 143, 144, 233, 428, 677, 682.

⁴ Ibid., XLI, 230, 410, 411.

на Дону на Переволоке ограбили». В 1517 г. был убит где-то на Дону шедший к султану посол Митя Степанов-Бык. Провожавшие послов до Азова и потом возвращавшиеся степью или Доном дети боярские также были предметом враждебных замыслов азовцев. Поэтому приходилось и детям боярским давать особую охрану при их возвращении домой. Но проводники азовцы были весьма ненадежны. Мы уже видели, как они бросили в степи на произвол судьбы послов и, повернув на одну из московских украин, превратили проводы в набег.¹

В последние годы изучаемого периода, когда сношения Москвы с Турцией становятся постоянными, со стороны Турции принимаются решительные меры для охраны донского пути. В Кафе были снаряжены 3 «косопы» с снарядом-пушками и пищалями и высланы в Азов «донского для бережения». Сообщая об этом в Москву, бурган азовский просит впредь уведомлять о послах или гостях и указывать, где их встретить «каюкам». Военные суда были достаточно внушительны: на каждом по 50 пищалей и по 80 воинов. Всеми судами ведал «копедан коючной». Весною 1521 г. каюки вышли для охраны пути на Переволоку. Отсюда все три судна собирались идти к Воронежу и там зимовать. В ответ на меры, принятые султаном, Москва выдвинула свой проект охраны Дона с двух сторон: на Дону должны были быть и московские и турецкие суда, и, провожая и встречая послов, они должны были сходиться в определенном месте. Таких пунктов встречи намечалось три: Переволока, устье Медведицы и устье Хопра. Москва больше настаивала на устье Хопра, так как это было ближе к московской украине. Временем посольских поездок проект устанавливал весну, «занже в Дону весне вода велика, и послом тогда безстрашно ходити». Если же почему-либо не наладилась бы речная охрана, то по московскому проекту из Азова до московских границ должны были провожать послов «коньми» азовские казаки, а обратно из Москвы до Азова — московские.²

IX

Рассмотрев южные пути конца XV и начала XVI столетий, мы видели, как падало и вырастало для Москвы значение каждого направления. Если в конце XV в. главную роль в сношениях с югом играли средние, степные пути, то с начала XVI приобрели большое значение крайние пути через

¹ Сб. РИО, XLI, 433; XCV, 91, 127, 142, 422.

² Сб. РИО, XCV, 669, 671, 672, 675, 680, 689, 690. — Ср. Историч. описан. земли Войска донск., 8, 9. — Соловьев. Истор. России, V, 1645.

Северскую землю и Путивль для сношений с Крымом и путь Доном для сношений с Турцией.

Выходя за пределы изучаемого нами времени, мы позволим себе бросить взгляд на дальнейшую судьбу изучаемых путей. Мало доступный по политическим условиям, но крайне удобный днепровский путь привлекал к себе внимание московского правительства. Во время известных походов 50-х годов XVI в. Ржевского и Дм. Вишневецкого наблюдается стремление Москвы упрочить за собой выход к нижнему течению Днепра. Об этом говорит постройка в 1559 г. у устья Псла Псельского городка, укреплявшего за Москвою все течение Псла, игравшего крупную роль в походах Ржевского, и старания Вишневецкого снести передовой татарский замок, Исламкермень.¹ Но попытки Москвы утвердиться на Днепре не увенчались успехом. К тому же днепровский путь вскоре стал серьезно засорен усилившимся во второй половине XVI в. днепровским казачеством.² Так же труден становился путь и от Путивля к Перекопу стенью.³ Тем не менее почти до конца XVI столетия Москва неизменно пользовалась им для сношений с Крымом.⁴

Но захват центральной части степи к концу столетия, постройка Ельца, Ливен в 1586 г. позволили вернуться к первоначальному направлению — прямой дороге уже освоенною Москвою степью на юг. На Ливны, Ливенский городок, послы направляются уже с 1587 г.⁵ Ливны становятся вскоре местом «посольской размены», т. е. пунктом, где встречались шедшие друг другу навстречу московские и крымские послы, и местом размены пленных.⁶ С постройкой Царева-Борисова размена посольств была перенесена туда.⁷ После «Смуты» размена послов сначала опять была в Ливнах, но с 1620 г. постоянным местом размены стали Валуйки или, точнее, местечко Ураево под Валуйками.⁸ Дорога от Москвы на Ливны, повидному,

¹ ПСРЛ, XIII, 269, 275—277, 281, 286—288, 296. — Книга посольск. метр. в кн. Лит., I, 135, 139, 140, 154, 158, 164. — Чт. в Общ. ист. и древ. росс., 1902, I, 194. — Соловьев. Ист. России, VI, 102—105. — Грушевский. Ист. украин. казач., 147—155.

² Кн. посольск. метр. в кн. Литовск.; I, 21—24, 27, 28, 137, 203, 221. — АЗР, II, 394. — Грушевский, ук. соч., 136, 137, 143—146.

³ Кн. Пос. метр. в кн. Литовск., I, 20—23, 25, 27. — Мем. относ. к ист. южн. Руси, I, 52. — Багалей. Очерки по ист. колониз., 75.

⁴ ПСРЛ, XIII, 370, 371, 382, 384, 386, 387.

⁵ Извест. Тавр. арх. ком., XIV, 18, 50. — Историч. опис. земли Войск. довск., 15.

⁶ Изв. Тавр. арх. ком., IX, 40; XIV, 20; XV, 3, 5—7, 77—79, 81, 83, 86, 87, 89—91.

⁷ Изв. Тавр. арх. ком., XV, 6; L, 28.

⁸ Изв. Тавр. арх. ком., IX, 18, 19, 22—26; X, 13, 14, 57, 60; XI, 10, 14, 17, 46, 49, 51, 55, 56; XII, 1; XIV, 22—25, 28; XV, 7, 8, 14, 18—20, 33, 35, 36, 38, 42—48; XVI, 2, 3, 7, 8, 11, 13, 15, 16, 21—23, 25—36, 39—47, 49, 50; XVII, 68—75, 89—92; XVIII, 10, 13; L, 26, 28, 49—51, 55. — АМГ, II, 99, 144, 635.

еще не установилась твердо в конце XVI столетия.¹ В XVII в. она совершенно определилась. Из Москвы в Крым ездили на Серпухов, Тулу, Дедилов, Новосиль, Ливны, Оскол и Валуйку, или же, минуя Новосиль и Ливны, на Серпухов, Тулу, Дедилов, Епифань, Елец, Оскол и Валуйку. К югу от Валук дорога шла к Донцу и Тору, отклоняясь к востоку от устья Оскола и Изюмского шляха.²

От прямой дороги в Крым в Валуйках отделялась дорога, шедшая на юго-восток к низовьям Дона. Ею шли сношения с казачьими городками, Раздорами, Черкасском, ею же степью через Валуйку отправлялись турецкие послы в Азов. Дорога шла через Ураево, дальше направлялась к Айдару, через который переправлялись у Белого Колодца, или Белой. От Айдара ехали к переправам через Донец. Переправ было несколько, но все они лежали недалеко друг от друга: у устья Деркула, у

дезя.³ Отсюда дорога пересекала речку Каменку. Последнюю переправую на дороге в Азов была переправа через Мертвый Донец. В Черкасск же ехали мимо урочищ Лихова и Кундюря и р. Кундюрьей.⁴ Очевидно, это была все та же дорога степью на Азов, которою ездили и в начале XVI в.

Что касается Дона, то в течение XVI и XVII столетий он оставался главною дорогою как для сношений с Турцией, так и с низовскими казаками. Только речной путь начинался в XVII в. от Воронежа, где, предваряя работу петровской верфи, каждый год готовили новые струги, чинили и смолити старые. От Москвы до Воронежа дорога шла или через Тулу или через Рязань.⁵

К концу XVII столетия снова приобретает для сношений с Крымом оставленный 100 лет тому назад путь через Северскую землю. В 1680—1681 гг. состоялось известное посольство в Крым Тяпкина и Зотова. Один из членов посольства, Зотов, ехал из Москвы на Тулу, Мценск, Орел, Курск, Суджу и Сумы. Это могло бы совпадать с наиболее ранним южным направ-

¹ Изв. Тавр. арх. ком., XV, 3, 4, 91—93.

² АМГ, I, 312, 379, 380, 438, 515, 540, 557, 577; II, 53, 97; III, 28, 93, 97, 117, 158, 652, 653, 655. — Донск. дела, I—V, *passim*. — Изв. Тавр. арх. ком., XVI, 29; XVII, 69, 91.

³ Митякин колодезь по «Книге Большому чертежу» впаи в Донец 15-ю верстами ниже Деркула. Кн. Больш. черт. изд. Спасским, 41.

⁴ Донск. дела, I—V, *passim*. При поездке из Валуйки в казачьи городки употреблялись и другие направления: переехав Айдар, пересекали Глубокую и направлялись к устью Калитвы; или же ехали между Боровой и Айдаром и, перейдя Донец, пересекали Лугавь и Каменку.

⁵ Тульская дорога шла через Серпухов, Тулу, Дедилов, Елец; иногда вместо Ельца ехали на Ливны и Воронеж (Донск. д., I—V, *passim*). Рязанская дорога шла через Коломну, Переяславль-Рязанский, Рязск, Донков; или от Рязска на Козлов и Воронеж; иногда, минуя Рязск, ехали на Михайлов и Донков (Донск. д., I—V, *passim*).

влением посольских дорог, если бы Зотов не отклонился к западу, к Сумам. В Сумах он должен был соединиться с Тяпкиным, заезжавшим в Батурин к гетману Ив. Самойловичу. От Сум послы ехали Муравским шляхом. Назад Зотов ехал на Таванский перевоз и дальше по Заднепрью в Запорожскую сечь. Из Сечи — снова степью до Переволочны, где посольство переправилось на московскую сторону.¹ С этого времени Переволочна приобретает большое значение в московско-крымских отношениях. Договор 1681 г., установивший Днепр границей между русскими и крымскими владениями, перенес в Переволочну как посольскую размену, так и размен пленных, что мы и наблюдаем в 1682—1686 гг. Через Переволочну направляются в Крым послы. Дорога проходила через Севск, средоточие Севского разряда конца XVII в. От разменного места под Переволочною дорога уходила за Днепр, направляясь, очевидно, к Таванскому перевозу.² Так через 200 лет восстанавливалось значение того направления крымских дорог, которое мы наблюдали в самом начале XVI в.

В отношениях Московского государства и Крыма были две стороны. Одна из них выразилась в торговых, политических и культурных связях, другая — в упорной борьбе за степь и опустошительных набегах крымских татар. Результатом второй стороны были татарские шляхи, результатом первой — проложенные рядом с ними торговые и посольские пути.

Присматриваясь к тому, как складывалось и изменялось направление этих путей, мы можем установить одно постоянное стремление — избежать, по возможности, дороги открытою степью. Большое значение водных путей заключалось не только в том, что они были удобны для перевозки тяжелой посольской или купеческой клади, — они были менее опасны. На просторе широкой реки, особенно во время большой весенней воды, и купцы и послы были недоступны для нападений с берега; поэтому нередко охрана давалась послам только до большой воды. Но с течением времени водные пути сокращались за счет сухопутных дорог. Как мы видели, для поездок Доном в XVII в. главным отправным пунктом служил Воронеж, а не Донков или Красивая Меча, как это было в начале XVI в. Это стало возможным вследствие завоевания степи и московской государственной колонизации, создавшей столь же удобные условия для купеческих и посольских путешествий сушею, какие раньше предоставлял водный путь.

¹ Записки Одесск. общ. ист. и древн., II, 569—576, 645—647. — Багалей. Очерки из истор. колон. и быта степн. окраины, 285 сл.

² Изв. Тавр. арх. ком., IX, 29—31; XII, 33, 36, 38, 40, 48, 52—56; XVIII, 8, 10, 11, 15, 16, 19—28, 31, 32.

Стремление избежать открытой степи заставило с присоединением северских княжеств бросить прямую степную дорогу и в течение почти всего XVI в. прибегать к окольной дороге через Путивль. Но едва была занята центральная часть степи, как восстанавливается первоначальное направление и надолго устанавливается прямой путь в Крым через Ливны и Валуйки. Но как раньше за Путивлем, так в XVII в. за Валуйками оставался отрезок пути безлюдным полем. Опасность путешествия этим отрезком ослаблялась установившимся еще в XVI в. принципом посольской размены.

Что касается условий, определявших выбор ближайшего направления той или другой дороги, это были природные условия-водоразделы, речные переправы. Переправы на целые века определяли направление торговых путей. Такова была Таванская переправа, сохранявшая свое значение от XV до конца XVII в. Киев, к которому приводили и Днепр, и Сож, и Десна, и на рубеже XVI в. играл ту же роль узлового пункта торговых дорог, как это было и в первые века русской истории. Водоразделы и речные перелазы определили направление татарских шляхов. Определяясь теми же природными условиями, самые ранние посольские и купеческие дороги, как мы видели, были близки или совпадали с этими шляхами. Некоторые из отклонений от них можно объяснить желанием пройти ближе к населенной окраине, все тем же стремлением избежать опасностей дикого поля. Линии шляхов в значительной степени определяли расположение выдвигавшихся московским правительством в степь городов, а эти города в свою очередь определили направление более поздних путей. Так получилась вековая неизменность основных направлений. Прежние степные сакмы постепенно перешли в ямские тракты. Медлительные путешествия конца XV в. заменились быстрым передвижением на ямских подводах, сопровождавшимся уже в начале XVII в. известными претензиями проезжающих и их жалобами на отсутствие свежих лошадей на очередной станции. Но новые тракты до конца XVII в. сохраняли старые названия татарских времен, и Муравский шлях, по которому в конце XVII в. мирно держал свой путь путешественник, напоминал ему о былых татарских набегах и тех временах, когда, пускаясь в степь, торговые люди и первые русские послы рисковали встретить врага на своей дороге и, нередко теряя жизнь, пролагали первые пути из Москвы к далекому Крыму.

Остается вопрос: насколько же все изученные нами пути служили целям торговли? Оставляя его открытым для более позднего времени, не входящего в рамки нашего ближайшего изучения, мы можем сказать,

что на рубеже XVI в., в период интенсивных московско-крымских торговых отношений, мы встречаем купцов на всех рассмотренных нами путях на каждом шагу. Самый характер документов заставлял нас рассматривать пути, как прежде всего пути посольских путешествий. Но мы не можем проводить грани между посольской и торговой дорогой. Как мы видели, в своих поездках купцы большей частью примыкали к послам и неизменно входили в посольские караваны. Но и помимо того мы встречали купцов и самих по себе на каждой из рассмотренных нами дорог. Мы их видели на всех степных путях, ведущих как в Крым, так и в Азов. Мы их видели на Путивльской дороге. Что же касается Днепра и Дона, обе реки особенно выделяются, как именно торговые пути. Мы могли проследить, как купцы приходят в Киев, узловый пункт дорог системы Днепра. Мы их встретили на главной днепровской переправе, Таванском перевозе, и в Очакове, едва возник самый замок. Мы видели купцов и на Дону, где они грузились в суда как в Донкове, так и на Красивой Мече у Каменного Коня.

Таким образом, изучение как путей, так и условий сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. раскрывает перед нами одну из страниц истории московского торгового капитала в наиболее раннюю эпоху его развития.
